

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТ АРСКАЯ РЕВОЛЮ ЦИЯ

*Журнал революционных коллективистов, №2,
весна 2002 г.*

Чтобы рядовые наемные работники перестали жить, как рабочая скотина, и смогли бы почувствовать себя людьми, у них нет другого способа достичь этого, кроме как силой свергнуть своих господ и начальников, разрушить их государство, установить свою диктатуру над ними и добить их, объединиться в коллектив равноправных и взять в свои руки управление миром. Но чтобы стать

способными на все это, им нужно растоптать в себе привычную мораль, религию, "семейные ценности" и самое подлое духовное орудие власти эксплуататорских классов - патриотизм и "национальную гордость". Только заменив в своей душе всю эту старую мерзость кодексом чести революционера, материалистическим пониманием природы и истории, преданностью своей классовой политической организации, интернациональной солидарностью со своими братьями по классу и великой целью завоевания пока еще не принадлежащей ему родины - Земли, пролетарий сможет стать последовательным борцом за власть своего класса. Наш журнал - одно из средств для того, чтобы помочь ему в этом.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Левый коммунизм – детская болезнь?	5
<i>Марлен Инсаров (при участии Георгия Васильева)</i> К истории марксизма в России (1918 – 2002 гг.)	13
<i>Марлен Инсаров</i> Новый век и старый империализм	31
Аргентинский февраль	43
<i>Марлен Инсаров</i> Трагедия Афганистана	48
<i>А. Правдин</i> Свобода слова - лохотрон для масс. Лохотронные игры буржуазии	55
Из письма М. Инсарова А. Правдину	58

Читайте

"Пролетарий" -

*бюллетень революционеров Украины и России,
источник правдивой информации,
орудие боевой пропаганды и агитации,*

хорошее подспорье в классовой борьбе против капитала и эксплуататорского государства

Об условиях приобретения "Пролетария" можно узнать по адресу:

65080, Одесса, а/я 146

proletar@mail.od.ua

- а также по контактными e-mail нашего журнала

Убедительно просим присылать нам сообщения не в теле письма (тексты в кириллице сервер Geocities обычно превращает в абракадабру), а в приложении - в формате RTF, Word 97 или в текстовых файлах.

От редакции

Второй номер нашего журнала мы издаем, уже не будучи частью "Коммунистической марксистско-ленинской партии": публикация первого номера повлекла за собой исключение нас из состава этой группы. Сейчас мы по-прежнему представляем собой Группу пролетарских революционеров-коллективистов, и основной наш программный документ - "Принципы ГПРК" в том же виде, в каком они были до нашего объединения с КМЛП (см. №1 "ПР").

Тяжкое и нудное это занятие - кружковая возня, когда два человека объединяются с двумя, расходятся с тремя и ссорятся с десятью, тратя при этом на теоретические и политические споры столько времени, сил и нервов, как если бы речь шла о выяснении отношений между многотысячными организациями и о решении глобальных политических вопросов... Тяжело заставлять себя заниматься кружковой возней - но нужно. В эпоху упадка рабочего движения иначе нельзя. Либо вы остаетесь небольшой группой (в самом лучшем случае - хорошо организованной сетью кружков, старающихся придерживаться децентрализованных порядков) - либо вы поддаетесь искушению быстро увеличить численность своей организации, пытаетесь использовать для этого массу возможностей, услужливо предлагаемых вам буржуазной политической системой (таких, как участие в кампаниях по выборам в парламенты и муниципалитеты, сотрудничество с депутатами этих органов буржуазной власти, работа в больших легальных профсоюзах и строительство таких профсоюзов, "энтризм" - то есть внедрение - в буржуазные политические движения и т. д.)... и быстро превращаетесь в буржуйских проституток, мобилизующих пролетариев на борьбу за политическую власть капитала над ними же. *Третьего не дано.*

Массовая революционная партия может возникнуть только в условиях уже начавшегося революционного подъема масс. В период упадка рабочего движения массовой может стать только буржуазная организация; иначе говоря, всякая организация, ставшая более-менее массовой в условиях упадка рабочего движения, заведомо буржуазна. Следовательно, пытаться создать массовую революционную партию до возникновения революционной ситуации, заранее подготовить такую партию к моменту начала революционной ситуации - это значит строить буржуазную организацию, думая при этом, что строишь организацию пролетарскую; это значит служить капиталу, думая при этом, что борешься с ним.

Что же надо делать *сейчас*, чтобы оставаться революционером и по мере своих скромных сил приближать революцию? - Строить крепкую, хотя и небольшую организацию, зародыш партии, но еще не партию - *здоровую революционную секту*. Вначале, пока нас всего пара-другая человек, наша политическая работа с неизбежностью ограничивается только пропагандой, а в борьбе пролетариев за свои экономические интересы мы можем только *участвовать*. Затем, когда нас станет чуточку побольше, перед нами встанет задача организовывать *прямое действие* пролетариев - то есть такие забастовки и прочие акции, которые организуются *помимо любых парламентских и муниципальных депутатов, бюрократизированных профсоюзов и принадлежащих эксплуататорам политических организаций, вне связи с ними и без их участия*. К таким профсоюзам и политическим организациям наше отношение простое: ни в какие контакты, кроме контакта кулака с челюстью, с их руководящим аппаратом не вступать, из практических акций их вытеснять, рядовых активистов от них отрывать (от профсоюзов можно отрывать также первичные организации, если получится) - одним словом, *раскалывать и разрушать* эти организации, не смущаясь при этом никакими глупыми мыслями о "необходимости совместной борьбы с общим врагом" (администрацией предприятия, "антинародным режимом" и т. п.). В процессе организации прямого пролетарского действия надо будет строить децентрализованный нелегальный организацию, которая объединяла бы вокруг себя стачкомы, рабочие ассамблеи и маленькие небюрократизированные профсоюзники. Это еще не будет партия (слишком мала она будет для партии) - партией она станет лишь позже, когда сложится революционная ситуация; это будет та самая здоровая секта, о которой шла речь выше.

Почему "секта"? А просто нам лень тратить силы на то, чтобы отрешиваться от эпитета "сектанты", которым нас награждают всякие правые и "левые" буржуйские проститутки. Они говорят о себе, что они "работают с массами" (на деле это означает, что они вливаются в ряды более-менее крупных организаций и движений, которыми руководит буржуазия, в общем и целом подчиняются пробуржуазному руководству этих организаций, выпендриваясь в мелочах, принимая свой выпендрег за "революционность" и наивно полагая, что таким образом им удастся революционизировать рядовых членов этих организаций и построить мощную пролетарскую партию); нас же они называют сектантами, отказывающимися работать с массами - за то, что мы не подставляем зад буржуазии, как это делают они. Что ж, если отказ от политической проституции есть "сектантство", то мы согласны называться сектантами. Лучше быть маленькой сектой, чем большим публичным домом; лучше быть революционными монахами, чем буржуйскими петухами.

Что значит "здоровое сектантство"? Дело в том, что встречаются такие политические организации, которые возводят несколько теоретических положений (или даже несколько символов и фраз) в непререкаемую догму и отлучают от своих рядов всех тех, кто не согласен с этим символом веры - *даже тогда, когда эти теоретические и фразеологические расхождения не влекут за собой расхождений в системе практических политических позиций*. (Именно так нас отлучила от себя КМЛП.) В подобных случаях имеет место *нездоровое сектантство*; мы же - сектанты *здоровые*, то есть хотя и считающие необходимым строгое единство политических позиций, но при этом относящиеся терпимо к теоретическим расхождениям (*до тех пор, пока теоретические разногласия не нарушают единства политических позиций*); мы вовсе не сторонники "идейного

плюрализма без границ"). Как это у нас получается - сохранять единство политических позиций, расходясь при этом во мнениях по ряду теоретических вопросов, - вы можете увидеть, следя за дискуссией на страницах нашего журнала. (Кстати, начатая в 1-м номере дискуссия уже вовлекла в себя ряд участников; ее продолжение см. в №3 и далее.) Читая же этот номер, вы увидите, что одна из написанных нами статей опубликована без подписи (в следующих номерах таких материалов будет больше); это значит, что такие материалы выражают наши общие не только политические, но и теоретические позиции, и поэтому неважно, кто именно из нас их написал.

Дорогие читатели! Вступайте в нашу секту - и вы станете одними из тех, кто подготовит мировую революцию и тем самым спасет человечество от гибели!

Коллективисты

Левый коммунизм – детская болезнь?

60 лет назад, в мае 1920г., каждый из делегатов 2 конгресса Коммунистического Интернационала получил экземпляр памфлета, названного Лениным «Детская болезнь левизны в коммунизме». В этом памфлете Ленин подверг организации, окрещенные «левокоммунистическими», испепеляющей критике, используя аргументы, ставшие сегодня общим достоянием псевдолевых, считающих текст Ленина классическим изложением марксистской «тактики» и «диалектики».

Кем были они, левые коммунисты, «ультралевые», так сильно порицаемые Лениным?

Левокоммунистическое движение.

60 лет назад левокоммунистическое течение в марксистском революционном движении представляло собой высшее выражение великой революционной волны классовых битв, потрясших мир в конце Первой Империалистической войны. Против первичных искажений Ленина и откровенной лжи современных псевдолевых, нужно указать:

- левые коммунисты были марксистской, а не анархо–синдикалистской тенденцией;
- они не были молодыми, незрелыми рабочими, только что вошедшими в коммунистическое движение, но сильным течением, которое развивалось внутри массовых социал–демократических партий уже до войны, противостоя их дегенерации и отстаивая революционные принципы;
- они категорически отвергли социал–шовинизм с самого начала империалистической войны в 1914г. и были ближе всех к позициям Ленина в Циммервальде и Кинтале, где они поддерживали революционное пораженчество;
- они были среди первых, кто примкнул к новому Интернационалу в 1919г. и осуществляли практическую защиту русской революции, призывая к революциям в Западной Европе и повсюду в мире.

Именно потому, что левые коммунисты защищали первоначальные принципы большевизма и Третьего Интернационала, они должны были

выступить против их изменения и предательства после 1920г. Памфлет Ленина сам был симптомом первичной дегенерации.

И именно потому, что левые коммунисты были марксистами, они смогли понять природу начавшейся с войной новой эпохи капиталистического упадка, и в частности историческую важность *рабочих Советов*, сыгравших центральную роль в Октябрьской революции.

Сильнейшей группой левокоммунистического течения в это время (и адресатом большинства ленинских филиппик) была КРПГ – Коммунистическая рабочая партия Германии. КРПГ была создана в начале 1920 г. Немецкие левые коммунисты правильно поняли, что не могут более осуществлять полезную функцию буржуазные институты (парламенты, муниципалитеты, профсоюзы), ставшие главным сборным пунктом контрреволюционных сил и способные действовать только в интересах уничтожения органов власти самого рабочего класса, рабочих Советов. Таким образом, левые коммунисты защищали подлинный дух самого 3 Интернационала, провозгласившего вступление капитализма в «эпоху войн и революций», и разоблачали абсолютно устаревший характер буржуазной демократии. Пролетарские борцы КРПГ понимали необходимость работать для создания рабочих Советов как исторически открытой формы диктатуры пролетариата, против всей лжи и мистификации о парламентском «пути» или парламентской трибуне.

В Италии левый коммунизм был представлен Фракцией коммунистов–бойкотистов Итальянской социалистической партии, сформировавшейся вокруг Амадео Бордиги, защищавшего непримиримую марксистскую линию против путаного и социал–демократического болота ИСП. Именно левая «бордигистская» группа образовала первоначальное ядро и руководство Компартии Италии (КПИ) в 1921г.

В Британии группа Сильвии Панкхерст «Рабочий броненосец» боролась за коммунистическую ясность, прежде всего в вопросах парламентаризма и отношения коммунистов к реакционной, буржуазной лейбористской партии. Также известны и в ленинском памфлете до некоторой меры смешиваются с левыми коммунистами фабричные старосты, одним из которых был Вильям Галлахер, на Клайде. Раннее движение фабричных старост в Британии было попыткой увести рабочий класс от реформизма и профсоюзов через низовой профсоюзный активизм, окрашенный предвоенным синдикализмом. Увы, из-за неспособности движения фабричных старост стать политическим движением, особенно в жизненно важных вопросах разрыва с профсоюзным аппаратом и роли партии рабочего класса, оно было обречено на непоследовательность, конечное бесплодие и интеграцию в профсоюзный аппарат посредством британской компартии. Люди, подобные Галлахеру, занимали левые, антипарламентские позиции, но из-за своих синдикалистских склонностей страдали непоследовательностью. Сам Галлахер вскоре был «обращен» Лениным и позднее стал любимым королевским «коммунистическим» парламентарием, сочетая парламентский карьеризм с поденной работой в сталинистской компартии.

В своем памфлете Ленин свободно прилагает ярлык «левачество» к каждому встречному и поперечному, от британских фабричных старост до американской ИРМ, тем самым создавая путаницу, будто левые коммунисты были синдикалистами и анархистами.

Второй конгресс Третьего Интернационала.

В отличие от того, что думают современные псевдолевые, левые коммунисты не были оглушены ленинским памфлетом, чтобы затем уползти прочь под очарованием его риторики и логики. Они защищали свои позиции на 2-м и 3-м Конгрессах Коминтерна, пока не были окончательно исключены. Уже вскоре после публикации «Детской болезни левизны...» Антон Паннекук, один из любимых мишеней ленинской полемики, писал:

«Значение ленинской работы заключается не в ее содержании, но в личности ее автора, т. к. аргументы едва ли оригинальны и в большинстве своем уже использовались другими. Новое лишь то, что теперь к ним прибегает Ленин». (Послесловие к «Мировая революция и коммунистическая тактика» в: Pannekoek's and Gorter's Marxism, p.143).

Не случайно, что полемика Ленина против левых коммунистов была проведена во время 2-го Конгресса Коминтерна. Три года русская революция оставалась изолированной, с Россией, сотрясаемой конвульсиями гражданской войны и осажденной экономическими трудностями периода “военного коммунизма.” Чтобы облегчить эти трудности, большевистское государство было вынуждено искать компромисс с внешним миром, в частности, путем Брест–Литовского мирного договора. Огромное давление управления государственной экономикой стало влиять на первоначальную ясность большевистской партии и вынесло старую путаницу на поверхность. Пойманные в аппарат “рабочего государства”, большевики начали все более и более отказываться от своей роли факела мировой революции. Чем больше вовлекали большевики Коминтерн в исключительную поддержку русского бастиона, тем больше их преобладание в нем начинало приобретать негативный характер. Это был процесс, анализированный и атакованный левыми коммунистами в интересах мировой революции.

После провала “мартовского выступления” в Германии в 1921г. большевистское государство (и мировое революционное движение в целом) вступило в период изоляции. Эта изоляция может считаться первопричиной перемены отношения Коминтерна к левому крылу социал–демократии, т.е. к немецким “независимым”(НСДПГ) и к центристам ИСП, во главе с Серрати – с правым крылом ИСП, возглавляемым Турати, за кулисами. Эта перемена была ясно видна уже на 2-м Конгрессе. Просьба ИСП вступить в Коммунистический Интернационал и ее готовое принятие известных “21 условия” были атакованы левыми коммунистами, т.к. они понимали, что “старого пса не научишь новым фокусам”, а социал–демократический пес “укусит очень больно в первый подходящий момент”. Левые указывали на опасность заигрывания с обманчиво привлекательными “массовыми партиями”, подобными ИСП, и разоблачали политику руководства Коминтерна как предательство его первоначальной оппозиции против социал–демократии. Германские, голландские и другие левые коммунисты считали наиболее практическим путем вперед развитие до предела революционного сознания пролетариата, в частности, в вопросе о парламенте и профсоюзах. Этот отказ от компромиссов с социал–демократией в конце концов привел к исключению левых коммунистов из Интернационала, тогда как правое крыло все больше и больше становилось доминирующей силой.

Против всего наступающего оппортунизма Гортер и КРПГ утверждали, что социал–демократия повсюду была *исключительно буржуазной силой*: “Вместо применения революционной испытанной тактики, что сделало бы

Коммунистический Интернационал внутренне сильным, ныне мы снова поворачиваем к оппортунизму, как в свое время сделала социал–демократия. Теперь в Коминтерн должны войти все: профсоюзы, (немецкие) независимые, (французские) центристы, части британской Лейбористской партии. Чтобы сохранить марксистскую видимость, должны быть поставлены условия, которые должны быть подписаны (!!!), и Каутский, Гильфердинг, Томан и т.п. должны быть исключены. Массы, мелкобуржуазные массы, однако, принимаются и втягиваются всеми средствами. *Лучшие революционеры, такие, как КРПГ, исключены!*” (Гортер. Ответ товарищу Ленину).

Критика политики Коминтерна основывалась на практическом знании левыми коммунистами социал–демократии в Западной Европе, в частности, знании ее парламентской деятельности и ее профсоюзов.

Позиции левых коммунистов.

В “Ответе товарищу Ленину” Герман Гортер показал, что Ленин и большевистская партия не полностью поняли классовую природу социал–демократии и профсоюзов. Это было особенно верно в вопросе о профсоюзах, где КРПГ, сталкиваясь с одними из сильнейших профсоюзов в мире, имела особенно хорошую основу для понимания. Вопрос о профсоюзах, в отличие от того, как предполагала большевистская практика, не сводился к вопросу о плохих вождах.

“По своей природе профсоюзы не являются хорошим орудием для революции в Западной Европе. Даже если бы они не стали инструментами капитализма, даже если бы они не были в руках предателей и даже если бы они были в руках любых других лидеров, которые не были бы по своей природе склонны превратить их членов в рабов и пассивные инструменты, профсоюзы все равно были бы бесполезны.”

Здесь Гортер разглядел то, что полностью отсутствовало в ленинском анализе. Для Ленина и позднее для Коминтерна вопрос заключался в предоставлении правильного революционного руководства рабочим внутри существующих профсоюзов. Для Германскойевой Профсоюзы не могли быть превращены в орудия свержения капитализма, т.к. они были *интегрированы в государственный аппарат* вкуче с социал–демократическими партиями. Профсоюзы, как и социал–демократические партии, должны быть *разрушены*.

Этот момент Гортер и КРПГ постоянно подчеркивали. Ленин и руководство Коминтерна, в правом повороте к “массовым” партиям и “массовым” профсоюзам, которые предоставляли бы максимальную, но *пассивную* поддержку русскому государству, никогда не понимали значения антипрофсоюзного движения в рабочем классе, которое было сильно в Германии и привело к появлению крупных рабочих организаций, откровенно антипрофсоюзных и стоящих за диктатуру пролетариата. Существование таких организаций, как Всеобщий рабочий союз Германии, было сильным опровержением софистики Ленина по данному вопросу.

Пытаясь понять уроки классовой борьбы, Гортер и КРПГ следовали традиции Розы Люксембург, которая в “Массовой стачке” смогла разглядеть растущие исторические изменения внутри движения: массовый характер рабочей борьбы, ее возрастающий политический характер и непригодность старых форм организации. КРПГ применила этот анализ к новым условиям капиталистического упадка, после того, как социал–демократия окончательно

предала рабочий класс. Этой работе КРПГ неизбежным образом были свойственны и слабости, но она уловила базовые истины истории.

Левые коммунисты не отбрасывали роль партии, как утверждал Ленин. В реальности они были за строжайшую централизацию и дисциплину внутри партии. Роль партии, однако, рассматривалась в новом свете в связи с изменениями в природе исторического периода и особенно в связи с появлением Советов, которые, по КРПГ, выполняли революционную функцию разрушения капиталистического государства и осуществления пролетарской власти, обеспечивая направление движения человечества к коммунизму. Против обвинений в анархо-синдикализме Гортер ответил: “Когда вы *против нас* говорите, что в коммунистических партиях должны существовать железная дисциплина и абсолютная военная централизация, это не только не верно, т.к. мы тоже хотим железной дисциплины и строгой централизации, но и потому, что этот вопрос для нас означает нечто иное, чем он означает для вас” (“Ответ товарищу Ленину”)

Роль партии, как заявила КРПГ 19 января 1921г., состояла в том, чтобы объединить вместе “наиболее сознательных и подготовленных пролетарских борцов... Коммунистическая партия должна иметь тщательно выработанную программную основу и должна быть организована и дисциплинирована в своей целостности снизу, как единая воля. Она должна быть головой и оружием революции... Главная задача коммунистической партии... это... быть ясным и неотклоняющимся компасом к коммунизму. Она должна указывать путь массам во всех ситуациях, указывать не только словами, но и делами. Во всех вопросах политической борьбы перед взятием власти она должна объяснять самым ясным образом различие между реформой и революцией, должна клеймить каждый уклон к реформизму как предательство революции.” (“Тезисы о партии”).

Для КРПГ сдвиг Коминтерна к компромиссу с социал-демократией на 2 Конгрессе был именно таким “уклоном к реформизму” и “предательством революции”. Для большевиков и руководства 3 Интернационала допуск левых социал-демократов, полукаутскианцев и т.п. был всего лишь другой тактикой, маневром с целью повлиять на массовые организации, все еще присутствующие в рабочем классе. Это была капитуляция перед двусмысленностью – перед идеей, что из-за своего членского состава социал-демократические партии и старые профсоюзы все еще имели пролетарский характер. Коммунистическому Интернационалу казалось, что им достаточно дать хороших лидеров, чтобы сделать их снова революционными. Официальная тактика “революционного” парламентаризма и профсоюзной работы все более и более отражала эту двусмысленность, укрепляясь в объективно контрреволюционной практике - настоящее чудовище, из которого черпал позднее свою силу сталинизм.

За последние 50 лет рабочий класс заплатил дорогую цену за двусмысленность и ранние компромиссы 3 Интернационала. Такой ценой были долгие годы укрепившихся иллюзий о пролетарской классовой природе профсоюзов и социал-демократических партий. Полемика Ленина против левых коммунистов используется сегодня псевдолевыми - троцкистами, маоистами и т.п. – с целью оправдать их собственные глубоко укорененные интересы в защите этих реакционных организаций и чтобы атаковать революционеров, тех, кто поддерживает и усиливает растущее понимание самими рабочими необходимости борьбы против левого крыла капитала.

Идеи левых коммунистов, несмотря на содержащиеся в них неясности и их незаконченный характер, стали сегодня основами для защиты классовых

позиций пролетариата. Эти “больные детской болезнью” организации заложили программные отправные пункты для следующей революционной волны. Не случайно их работа сознательно искажалась или уничтожалась. Но их борьба – это наша борьба, их уроки – это наши уроки, только вдвойне обогащенные сегодня. Левые коммунисты могли исчезнуть, поглощенные буржуазной контрреволюцией, но их работа не забыта и будет продолжена новыми поколениями рабочих, которые снова провозгласят боевой клич КРПГ “Революция будет пролетарской, или ее не будет вовсе!”.

Мельмот, Хайес, 1980год.

Discussion Bulletin, N 110, november – december 2001.

Послесловие ГПРК.

Печатаемая нами статья неизвестных авторов (судя по направлению статьи, принадлежавших скорее всего к Интернациональному коммунистическому течению), говорит о неизвестном для подавляющего большинства даже интересующихся левой политикой СНГовским читателям течении – германо–голландском левом коммунизме. Она вряд ли понравится тем, кто привык видеть в Ленине священную корову. Казалось бы, стоит ли возиться с прошлым и перебирать кости давно умерших борцов и ловить отзвуки давно отгремевших дискуссий?

Стоит! Не поняв прошлого – не победишь в будущем. И давние дискуссии не закончились, они продолжаются в настоящем. Вопросы об оценке профсоюзов, участии или неучастии в выборах, отношении к национальным буржуазным движениям, путях и принципах создания пролетарской партии, методах ее работы в массах – все эти вопросы, о которых 82 года назад горячо спорили Ленин, Троцкий, Бухарин, Гортер, Паннекук, Бордига и другие передовые борцы великой революционной волны 1917 – 23 гг., продолжают горячо обсуждаться в немногочисленной левой среде России и всего мира, и ответ на них будет иметь огромную важность для победы грядущей пролетарской революции. Нужно извлечь все уроки из прошлых боев, прошлых неудач, чтобы решающий момент не застал нас неподготовленными, чтобы мы не вертели в колесе вечно возвращающихся ошибок.

Ленин, как и Троцкий, как Маркс, как Энгельс, даже как Бордига, как все великие революционеры, не был ни богом, ни священной коровой. Страстно борясь за победу мировой революции, он, а с ним и все большевики, в своем величии и в своих ошибках был обусловлен окружающей ситуацией, за пределы которой никто не может выпрыгнуть.

Ошибки Ленина и всего большевистского руководства раннего Коминтерна, ошибки, имевшие катастрофические последствия для мирового революционного движения, были обусловлены двумя главными причинами: попыткой механического повторения тактики русского большевизма в совершенно другой политической обстановке Запада и ориентацией на оптимистический путь развития мировой революции, при непредвидении развития по пессимистическому пути.

Революция в России победила именно потому, что политическая власть эксплуататоров здесь носила грубо–примитивный самодержавный характер, что русской буржуазии не удалось создать механизма подчинения себе рабочего класса посредством буржуазной демократии, не удалось создать таких приводных ремней по контролю за пролетариатом, как парламент, профсоюзы и

реформистские партии. Госдума просуществовала всего 11 лет и оставалась в значительной мере чужеродным телом по отношению к реальной государственной власти. Появившиеся в 1905г. в межреволюционный период профсоюзы были ни живы, ни мертвы и на общенациональном уровне организовались лишь после Советов, в 1917г. Меньшевики и эсеры, чья реформистская по отношению к буржуазному обществу политика (за исключением левых эсеров и максималистов) полностью раскрылась в 1917г., по отношению к царизму были революционными партиями, и единый фронт с эсерами в 1905 г. означал не общие списки на выборах, а взаимодействие большевистских и эсеровских боевых дружин. Поэтому большевистская тактика участия в выборах, работы в профсоюзах, единого фронта была частично необходимой (работа в профсоюзах и единый фронт), а частично (участие в выборах) не имела тех катастрофических последствий, которые имела бы в другой ситуации.

Но когда эта тактика была перенесена в совершенно другую историческую ситуацию Запада, где задачи буржуазной революции давно завершились, а буржуазия правила методами буржуазной демократии, куда более прочно и надежно подчиняющими пролетариат, получилось совсем по-другому.

В статье упоминается эпизод с Вильямом Галлахером, чрезвычайно любимый советскими историками. Галлахер, шотландский рабочий активист с хорошим революционным инстинктом, но без теоретической марксистской подготовки, приехав в 1920г. в Москву, попытался по-рабочему поучить Ленина, сказав ему примерно следующее: “Непрвы Вы, Владимир Ильич, в вопросе о выборах. По всему нашему опыту выберем мы какого-нибудь хорошего парня в парламент, а его с потрохами тотчас покупает буржуазия”. И Ленин употребил недопустимый прием, спросив: “А если Вы, товарищ Галлахер, станете депутатом, Вас тоже подкупит буржуазия”?

Если бы Галлахер был марксистом, он ответил бы так: “Если я стану депутатом, я тоже продамся буржуазии, но я не стану депутатом”. Но он был всего лишь хорошим рабочим активистом, поэтому замялся и забормотал: “Да я, да меня, *меня – никогда! Кого угодно, но меня – никогда!*”, - как будто добрые намерения могут предотвратить неизбежные последствия социальной роли.

“И Галлахер действительно стал депутатом в 1935г. и был им до 1950г.!”,- так любили завершать этот рассказ советские историки. О чем они скромно умалчивали, так это о том, что во время Второй империалистической войны Галлахер, как и все деятели компартии, отстаивал политику национального мира, социал-шовинизма и штрейкбрехерства с бесстыдством, превосходящим даже бесстыдство социал-демократии во время Первой империалистической войны. И толкнул его на этот путь Ленин – вопреки всем своим революционным намерениям. История того, как людские действия приводят к последствиям, противоположным желаемым, и неизбежный результат осуществляется именно благодаря усилиям, стремившимся помешать ему, эта история Эдипа будет повторяться до тех пор, пока существует классовое общество.

Большевики надеялись, что революционная ситуация на Западе будет развиваться более или менее быстро и непрерывно. Поэтому нужно любой ценой как можно быстрее создать здесь сильные и массовые коммунистические партии, не переживая особо из-за их качественного состава, ибо непрерывная волна революционного подъема выметет все шлаки. А шлаков пущено в дело было немало. Неотвеченным остался вопрос: что будет, если вслед за подъемом

придет не революция, а сколь-нибудь длительный спад, и что будет в этом спаде с партиями, так и не ставшими подлинно коммунистическими?

Одним из вождей Французской компартии стал Марсель Кашен, в Первую империалистическую войну матерый шовинист, через которого в 1915г. французский генштаб передавал деньги ренегату социализма, вскоре весьма известному Муссолини на ведение агитации за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Уже сильно полевав и вступив вместе с большинством французских социалистов в Коминтерн, на заседании его Исполкома он с умилением стал рассказывать о своей поездке в исконно французский Страсбург, наконец—то освобожденный от немецких супостатов. Услышав в штабе мировой революции знакомую шовинистическую музыку Бордига возмущенно закричал: “Товарищи, что вы слушаете эту националистическую сволочь! Гоните его в три шеи!” Большевицские вожди Коминтерна, Зиновьев, Радек и Бухарин, стали успокаивать Бордигу: “Товарищ Бордига! Мы прекрасно понимаем, что Кашен – шовинистическая сволочь, но через него мы найдем путь к сотням тысяч французских рабочих, а затем выбросим его”. И кто кого выбросил?! Трагическая судьба Зиновьева, Бухарина, Радека, и, что куда важнее, всей большевистской партии, всего Коммунистического Интернационала общеизвестна; Кашен же благополучно дожил до 1958г., оставаясь бессменно в руководстве ФКП и будучи таким же добрым французским патриотом, каким был в 1915г., когда выполнял поручение генштаба.

Первичная, коренная причина поражения революционной волны 1917–23гг. и оппортунистического вырождения коммунистического движения заключалась не в ошибках Ленина, большевиков и Коминтерна. Уровень мировых производительных сил был еще недостаточен для победы пролетариата, для перехода человечества к коммунизму. Но объективное в истории реализуется только через субъективное, и незрелость производительных сил повлекла за собой господство реформизма в рабочем классе, реформистское перерождение прежде революционных партий, становившихся массовыми, неспособность партий, остававшихся революционными, повести за собой массы и всевозможные ошибки этих революционных партий.

Об ошибках германо–голландского левого коммунизма нужно сказать несколько слов в конце нашего послесловия, т.к. статья Мельмота и Хайеса говорит только о его сильных, а не слабых сторонах. Главная из этих слабых сторон состояла в неправильном понимании роли партии. В отличие от “коммунизма рабочих советов”, в который выродились его остатки в 1930-е годы, ранний германо–голландский левый коммунизм, ведущим теоретиком которого был Герман Гортер (1863 – 1927), не отрицал необходимость пролетарской партии. Гортер, помимо прочего, крупнейший голландский поэт, писал, что пролетарская партия должна быть “прозрачной как стекло и твердой как железо”. Но функции партии фактически сводились к пропаганде, партия понималась как хранитель сознательности пролетариата, а не как его руководитель в боях с капиталом, не как его штаб. Такое недопонимание роли партии в обстановке отката революционной волны привело к катастрофическому развалу КРПГ в 1922г. (в начале его в ней было 41 тыс. активистов, в конце в обеих частях, на которые она раскололась, несколько сотен) и к оттеснению остатков германо–голландского левого коммунизма на роль наблюдателей, а не участников классовой борьбы (теоретизация чего не замедлила воспоследовать со стороны “коммунистов рабочих советов”, сводивших роль марксистской

организации к роли исследовательски–пропагандистского кружка, вместо роли руководителя революционного движения пролетариата).

Но последний бой впереди. Теоретические уроки успехов и неудач КРПГ, как и всего революционного рабочего движения, должны быть востребованы. **Ведь либо будет всемирная пролетарская революция, либо человечества не будет вовсе.**

*Марлен Инсаров
(при участии Георгия Васильева)*

К истории марксизма в России (1918 – 2002 гг.)

Великая Октябрьская революция, рабоче–крестьянская по своим движущим силам и пролетарская по своему руководящему классу, по своему объективному содержанию, т.е. по выполненной ею работе, была и не могла не быть буржуазной. Она не разрушила и не могла в начале 20 века разрушить капиталистические общественные отношения, т. е. систему разделения труда, основанную на машинном производстве. Напротив, как самая радикальная, самая доведенная до конца буржуазная революция, беспощадно искоренившая все феодальные пережитки, мешавшие развитию капитализма, она открыла дорогу для бурного подъема последнего.

Парадокс истории заключался в том, что классом, возглавившим буржуазную революцию, был пролетариат, стремившийся к революции коммунистической и руководимый партией, провозгласившей программу коммунистической революции.

Недостаточный уровень развития производительных сил, делавший в первой половине 20 века невозможным уничтожение разделения труда и не позволявший пролетариям организовать общественное производство без начальников и господ, весьма быстро привел к тому, что партия из идейного объединения наиболее сознательных и решительных пролетариев и до конца примкнувших к ним, до конца порвавших с буржуазным миром *выходцев* из других классов стала стержневым хребтом стоящего над пролетариатом слоя организаторов производства и в силу этого эксплуататоров пролетариата.

Таково было объективное положение дел, независимое от злых или добрых намерений оказавшихся в роли эксплуататоров пролетариата его вчерашних передовых борцов и их вождей – Ленина, Троцкого, Сталина и т.д.

Данная ситуация оказалась бы лишь преходящим эпизодом, если бы в начале 20 века мировые производительные силы действительно созрели уже для победы социализма, если бы пролетарии смогли установить жесткий контроль за

руководящей верхушкой и – постепенно – ограничивать и вытеснять ее власть своею собственной.

Только люди, озабоченные спасением собственной души и имеющие целью не свержение капитализма, но роль гуманных критиков последнего, могут упрекать большевиков за то, что те не сочли бой проигранным уже до самого боя, а, вступив в битву, осуществили все меры централизации и организации, необходимые для победы в ней – и победили, разгромив как буржуазно–помещичью контрреволюцию Колчака и Деникина, так и мелкобуржуазно–кулацкую реакцию Тамбова и Кронштадта, и открыли тем самым дорогу для развития капитализма, исключительно после которого может прийти коммунистическая революция.

Но чем дальше, тем больше становилось ощутимым, что новое положение вещей, превращение РКП(б) из партии мучеников пролетариата в партию его эксплуататоров – не преходящий эпизод, а всерьез и надолго. Чем дальше, тем больше коммунистическая программа РКП(б) вступала в противоречие с объективным положением партии как ядра класса государственной буржуазии. Двусмысленное положение большевиков, врагов капиталистической эксплуатации, долженствующих руководить ею и защищать ее от посягательств пролетариата, не могло продолжаться долго. Перед каждым из большевиков вставал выбор: или сохранить коммунистическую программу – и выйти из эксплуататорского класса, вернуться к пролетариату, начинать революционную борьбу заново; или сохранить место в рядах эксплуататоров, отрекшись от коммунистической программы, заменив ее на завернутую в красную обертку программу национал–капиталистического строительства.

При всех своих ошибках, противоречиях, непоследовательностях Троцкий, Сапронов, Шляпников, Мясников, Рютин сделали первый выбор, тогда как Сталин и примкнувшие к нему – второй. Самая же печальная судьба ждала тех, кто не решился пойти до конца ни по одному из этих двух путей (большая часть вождей троцкистской оппозиции, зиновьевцы, бухаринцы).

Коммунистическая оппозиция возникает почти сразу после Октябрьской революции – в период дискуссий о Брестском мире. Сперва она существует в виде легальных оппозиционных течений внутри РКП(б), затем – в части своей уже с 1923г. и полностью с 1928г. – в виде подпольных групп. В этой статье невозможно написать подробную историю коммунистической оппозиции и марксистского подполья в СССР. Она требует тщательного изучения и многих книг. Сделать это – долг и необходимость настоящих и будущих революционеров.

Одной из великих лжей буржуазии, одним из идеологических средств увековечивания ее господства является утверждение, что в СССР существовал социализм, сталинизм – это марксизм, а потому у власти в СССР находилась «коммунистическая утопия», а не насквозь реальный и далекий как от утопий, так и от коммунизма класс государственной буржуазии. Разоблачать эту ложь нужно, показывая подлинный классовый характер СССР и его подлинную историю, показывая, что ответом на господствовавшую в СССР капиталистическую эксплуатацию была принимавшая разные формы, но не прекращавшаяся классовая борьба пролетариата, одним из проявлений которой и были подпольные марксистские группы, что марксисты в СССР не стояли у власти, а сидели в тюрьме. Буржуазия помнит своих Сахаровых и Солженицыных, пролетариату предстоит вспомнить Сапронова, В. Смирнова, Рютина, Сиуду, Саблина, Разлацкого.

Ограничимся кратким очерком нашей истории.

Первым левоопозиционным течением внутри РКП(б) (мы не будем говорить здесь о таких левых критиках бюрократического перерождения революции, как левые эсеры, максималисты и анархисты) были левые коммунисты 1918г., выступавшие против подписания Брестского мира и прозорливо указывавшие на опасности перерождения, вытекающие из временного сосуществования с мировым империализмом.

Происходившая в героический период гражданской войны бюрократическая централизация, необходимая для победы над старой, внешней контрреволюцией, но чреватая опасностью новой, внутренней контрреволюции, нашла критиков в лице Группы демократического централизма (децисты) и Рабочей оппозиции – при всех демократических ошибках и утопичности рецептов последней.

Переход к нэпу, неизбежный в силу ясно понимаемой всей большевистской партией невозможности скачка в коммунизм в отдельно взятой России и потому не встретивший никакой оппозиции в РКП(б), означал узаконение и признание не исчезавших в Советской России ни на день капиталистических отношений, частнокапиталистической и государственнокапиталистической эксплуатации рабочего класса. Ответом на такую эксплуатацию неизбежно должна была стать классовая борьба пролетариата.

С волной стачек осенью 1923г. совпадает появление первых подпольных марксистских групп, «Рабочей правды», критиковавшей существующий строй, используя методологию А. А. Богданова, левобольшевистского противника Ленина в еще дореволюционные времена, и «Рабочей группы РКП(б)», возглавляемой старым рабочим – большевиком Г. Мясниковым.

Тогда же, осенью 1923 г., появляется троцкистская оппозиция. Двойственность ее классового характера обессиливала и губила ее, как и все последующие верхушечные оппозиции. Бесспорно присутствовавшие в ней пролетарские элементы и пролетарские импульсы нейтрализовывались, соединяясь с находившейся здесь частью правящего класса, у которой пережитки большевистского интернационализма соединялись с недовольством медленным темпом развития тяжелой промышленности – опоры этого класса – и курсом правящей группы Сталина – Бухарина на уступки другим эксплуататорским классам – нэпманам и кулакам. Преобладание в троцкистской оппозиции оппозиционно-бюрократических элементов над революционно-пролетарскими привело к тому, что до 7 ноября 1927г. – почти до своего исключения из партии – она ограничивалась внутривнутрипартийной дискуссией и не обращалась напрямую к пролетариату, не призывала его на борьбу против эксплуататорского строя (природу которого, само собой, не понимала), но пыталась реформировать изнутри политическую и экономическую линию руководящего аппарата этого строя. Это не могло не кончиться поражением. Начавшийся в 1928 – 1929гг. курс Сталина на уничтожение частнокапиталистических классов и ускоренное развитие тяжелой промышленности - материальной основы власти госбуржуазии неизбежно привел к прекращению оппозиционности этих представителей госбуржуазии, к капитуляции практически всего руководства троцкистской оппозиции (кроме самого Троцкого) перед сталинизмом. Находившиеся в ссылках и лагерях непримиримые троцкисты после этого приняли более революционное направление, но в большинстве своем так и не поняли капиталистической природы СССР.

В 1925г. появляется новая, ленинградская оппозиция во главе с Зиновьевым и Каменевым. Фронта ленинградского аппарата стала превратным и искажающим отражением недовольства питерских рабочих, в 1917г. возглавивших великую революцию, а через 8 лет по-старому эксплуатируемых на заводах и оттесняемых бюрократам, нэпманом и кулаком. Зиновьев, в 1908–16 гг. ближайший помощник Ленина, имел из всех вождей РКП(б) наибольшее формальное право считать себя его учеником. Но Ленин, научив Зиновьева многому, не мог передать ему своей непримиримой революционной воли. Правильное теоретическое понимание капиталистического характера советской экономики, присущее ленинградской оппозиции, оказалось для нее второстепенным сравнительно с практической солидарностью по отношению к классу государственной буржуазии, частью которого она была и вновь хотела стать. Верхи зиновьевцев капитулировали еще раньше, чем верхи троцкистов – в декабре 1927г.

Наиболее последовательный революционно–пролетарский характер из всех оппозиций 1920-х годов имела Платформа демократического централизма во главе с Тимофеем Сапроновым и Владимиром Смирновым. Прекрасно осознавая капиталистический, непролетарский, эксплуататорский характер существующего строя, децисты еще в 1920-е годы поняли тщету надежд троцкистско–зиновьевской оппозиции на реформу партии и государства, поняли необходимость создания новой партии и подготовки новой революции – и не впали при этом в демократические иллюзии, свойственные остаткам Рабочей оппозиции. Отстаивая интересы не госбуржуазии, стремящейся к быстрому экономическому росту, но пролетариата, за счет пота, мускулов и нервов которого происходил этот рост, децисты не были очарованы сталинским курсом на индустриализацию и коллективизацию – ибо понимали буржуазную природу данного курса. Не капитулировав и проведя 10 лет непрерывно в ссылках, тюрьмах и лагерях, Сапронов, В. Смирнов и их товарищи были расстреляны в 1937г. Так и не встав на колени перед торжествующей контрреволюцией, они погибли как лучшие борцы и герои пролетариата.

Исключение из партии на ее 15 съезде в декабре 1927г. троцкистско–зиновьевской оппозиции и децистов означало завершение контрреволюционного переворота, окончательное превращение РКП(б) в партию государственной буржуазии, конец легальных оппозиций. Недовольным и сохранившим остатки коммунистичности элементам РКП(б) (окончательно они будут уничтожены лишь через 10 лет) оставался либо путь закулисных интриг, либо путь в массы. По первому пошла правая бухаринская оппозиция в 1928–29 гг. и группа Сырцова – Ломинадзе в 1930г., по второму – Союз марксистов–ленинцев 1932г. и группа А. Смирнова, Толмачева и Эйсмонта 1933г.

Бухаринская оппозиция (хотя и была несколько лучше, чем можно думать по ее апологии в горбачевские времена), в отличие от троцкистов и зиновьевцев, не пыталась обратиться даже к рядовым членам партии. По свидетельству ее бывшего активиста Авторханова, бухаринцы не меньше «чем Сталин, боялись того же народа, к которому надо было «апеллировать»». (А. Авторханов. Технология власти. М., 1991, с.198.) Закономерным образом они были разгромлены в закулисных интригах.

Группа Сырцова – Ломинадзе, назвавшая сталинскую коллективизацию «военно–феодалской эксплуатацией крестьянства», была совершенно верхушечным явлением, оппозицией последних высших бюрократов (Сырцов – Председатель Совнаркома РСФСР, Ломинадзе – руководитель Заккрайбюро,

которому подчинялись компартии Грузии, Армении и Азербайджана), кто и высокие посты, и перспективу еще более высоких (Сырцова ждал пост Председателя Совнаркома СССР, на котором последние месяцы досиживал Рыков, в Ломинадзе же, по некоторым свидетельствам, Сталин видел своего возможного преемника) отдал ради верности классу, с которым за 10–15 лет до того шел в тюрьмы и под пули.

Кризисный, голодный 1932г. сопровождался оживлением подпольной троцкистской активности, возвратом к оппозиционной деятельности ряда капитулянтов и созданием Союза марксистов–ленинцев во главе с бывшим бухаринцем, героем партизанской борьбы в Сибири Мартемьяном Рютиным и Василием Каюровым, старым питерским рабочим, членом еще «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», к которому с большим уважением относился Ленин. Союз марксистов–ленинцев выступал за объединение всех коммунистических противников сталинизма и приступил к пропаганде с этой целью, но вскоре был разгромлен.

О группе А. Смирнова, Толмачева и Эйсмонта имеется единственное, но авторитетное свидетельство бывшего бухаринца, а затем эмигранта–антикоммуниста Авторханова. Он пишет, что эта группа объединяла в основном старых рабочих–большевиков, не участвовавших в прежних оппозициях, и имела подпольные ячейки в рабочей среде Москвы, Ленинграда, Иваново–Вознесенска, Ростова–на–Дону. «Группа А. Смирнова решила первый и последний раз (? – М.И.) в истории сталинизма перенести спорные вопросы хозяйственного и политического курса на суд рабочих и крестьян, именем которых он управлял. Это возможно было сделать только в глубоком подполье, формально не противопоставляя себя партии. Создание нелегальных ячеек в важнейших рабочих центрах и собрание оппозиционных сил в рядах партии – такова была подготовительная работа А. Смирнова.

Свержение сталинского режима мыслилось как акт восстановления «советской власти». Это было уже второе издание ленинского плана «пролетарской революции», на этот раз против диктатуры партийного аппарата и ГПУ. И главным лозунгом Смирнова оставался тот же ленинский «Вся власть Советам!». Смирновцы выступали за восстановление власти Советов, узурпированной сталинцами». (А. Авторханов. Цит. соч., сс. 266-268).

Если то, что пишет Авторханов, правда, то смирновцы сумели хорошо законспирировать свою деятельность. После их частичного разоблачения в 1933г. даже из партии были исключены только Толмачев и Эйсмонт, и никто не был арестован. Все они погибли через несколько лет, как и вся старая большевистская партия. Действия группы А.Смирнова были ее славным последним боем, последним словом, сказанным ею для новых поколений революционеров.

Эти новые поколения вступают в борьбу в 1930-е годы. Реальность Советского Союза, реальность классовой эксплуатации и общественной иерархии, до такой степени противоречила коммунистической программе, изложенной в не только не запрещенных, но преподаваемых в обязательном порядке работах Маркса, Энгельса и Ленина – преподаваемых как не связанные с жизнью священные тексты, подобно тому, как в средние века с амвонов читали бунтовские места Ветхого и Нового Заветов, – что это противоречие не могло не бросаться в глаза любому, кто только начинал задумываться над миром, в котором жил. Задумавшийся начинал искать единомышленников. Возникал

кружок. Еще до того, как он приступал к пропаганде вовне, или, в лучшем случае, вскоре после этого происходил полицейский разгром. Но начинали задумываться другие.

Марксистские кружки студенческой и рабочей молодежи появляются уже в 1930-е годы (о них пишет А. Орлов в «Тайной истории сталинских преступлений»). До Великого Террора, попав в тюрьмы и лагеря, новые оппозиционеры могли еще встретиться там с непримиримыми троцкистами, децистами и др. Но почти все марксисты–оппозиционеры 1920-х и 1930-х гг., за единичными исключениями сумевших вырваться на Запад (Тархов, В. Серж, А. Цилига) или случайно уцелевших во время Большого Террора (доживший до 1971г. и в своих письмах в руководящие инстанции осуждавший сталинскую контрреволюцию и отстаивавший достоинство своих товарищей децист Дашковский, сосланный в 1929г. за распространение ленинского «Письма к съезду» замечательный писатель Варлам Шаламов и некоторые другие), были уничтожены в конце 1930-х гг. Произошел разрыв преемственности, разрыв революционных поколений, пагубные последствия которого сохраняются и до сих пор.

Даже в разгар Большого Террора появлялись листовки за подписью то «Чрезвычайного съезда РКП(б)», то «Антифашистской рабочей партии». В последней из них, написанной к 1 Мая 1938 г. известным ученым–физиком Л.Д. Ландау, говорилось:

«Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Массы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может сказать, когда придет его очередь. Хозяйство разваливается. Надвигается голод.

Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот. Социализм остался только на страницах окончательно изолгавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнился с Гитлером и Муссолини...

Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны – это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма, борьба за социализм.

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД. Они способны только избивать беззащитных заключенных, ловить ни о чем не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах. Товарищи, вступайте в Антифашистскую рабочую партию. Налаживайте связь с ее Московским комитетом. Организуйте на предприятиях группы АРП. Налаживайте подпольную технику. Агитацией и пропагандой подготавливайте массовое движение за социализм.

Пролетариат нашей страны, сбросивший власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику.»

Пролетариат не сумел сбросить диктатуру капитала ни в ее фашистском, ни в демократическом, ни в лжекоммунистическом обличьи. Следствием поражений пролетариата и его новым страшным поражением стала Вторая мировая война, война империалистическая и захватническая для всех участвовавших в ней буржуазных банд, именуемых государствами и союзами государств, истребивших десятки миллионов людей в своей схватке за передел мира. Правдивую историю этой войны и пролетарского сопротивления ей марксистам

еще предстоит написать, здесь же следует отметить, что пролетарское сопротивление капитализму, неистребимое, пока существует последний, не исчезло, несмотря на весь патриотический барабанный бой - даже если и было отброшено Большим Террором, уничтожившим всю коммунистическую оппозицию, до первичного уровня недовольных разговоров и дезертирских шаек, грабивших колхозные склады. Миллионы пленных 1941г. – рабочих и колхозников, не желавших воевать за власть своих эксплуататоров, за сталинский кнут, лучше всяких теоретических рассуждений показали, что государство вовсе не было их, рабочим государством.

Восстание батальона в Западной Сибири в июле 1941г., возглавленное бывшим троцкистом, стачка в Иваново–Вознесенске и волнения в Москве осенью 1941г., партизанский отряд бывшего махновца Осипа Цебря на Киевщине (враждебный как гитлеровским, так и сталинским войскам), Союз молодых революционеров в Саратове в 1943г., до некоторой степени – диссидентские группы украинского национализма (Народно–освободительная революционная организация, лидер которой, Бусота, перед тем как был расстрелян бандеровской Службой безопасности, сказал: «Лучше умереть большевиком, чем жить фашистом») – таковы некоторые из известных нам проявлений пролетарской оппозиции во время Второй империалистической войны. Дальнейшего изучения требует подлинная история партизанского движения, соотношение в ней низовой самоорганизации и ломавшего ее НКВДшного контроля, судьба Мелентия Зыкова и «коммунистического крыла» РОА, загадка радиостанции «Старой гвардии большевиков» и ряд других моментов.

Последствия победы оказались такими же, как и последствия победы 1812 г. Угнетенные, сражаясь с внешним тираном под командой тирана внутреннего, укрепили свои собственные цепи, но долго не могли в это поверить. Всеобщими были надежды на перемены к лучшему, и далеко не единичными - настроения, что перемены эти надо будет добывать своей силой, победив Гитлера, обратить оружие против Сталина. Отсюда – подъем подпольной активности во второй половине 40-х годов, появление множества марксистских групп.

Об одной из них, воронежской Коммунистической партии молодежи, рассказал в книге «Черные камни» ее участник поэт Анатолий Жигулин. Но эта группа не была единственной. Существовали Ленинская платформа, Ленинская оппозиция, Рабочая оппозиция (не путать с Рабочей оппозицией 1920 – 21гг.), о которых ничего не известно, кроме названия. В конце 1940-х годов действовала организация «Истинное дело Ленина», активисты которой уже в лагерях перешли на анархистские позиции и участвовали в лагерных восстаниях 1953–54гг. Тогда же – «Молодые ленинцы», освобожденные после смерти Сталина (кроме двоих, получивших новый срок за то, что распропагандировали охрану).

Смягчение террора после смерти Сталина означало, с одной стороны, определенное открытие шлюзов для оппозиционной деятельности и сохранение большей непрерывности революционной традиции, с другой стороны, облегчение путей для интеграции в буржуазный мир тех из бывших марксистов, кто захочет интегрироваться. Некоторые захотели. Не говоря о марксистских настроениях Солженицына во время Второй империалистической войны, за которые его и посадили, как марксисты начинали известный украинский националист Л. Лукьяненко (Украинский рабоче–крестьянский союз 1961г.) и известный диссидент П. Григоренко (Союз борьбы за возрождение ленинизма,

1963г.) Покаявшись в своих коммунистических грехах, они получили славу и почести. Те, кто не предал, не получили ни того, ни другого.

Много марксистских подпольных групп, вскоре разгромленных, появилось в 1956–57гг., после 20 съезда КПСС и Венгерского восстания. Отрезанные от большевистской и зарубежной коммунистической традиции, многие из них ориентируются на югославский образец. Вслед за разгромленными, посаженными, отошедшими и перешедшими на буржуазные позиции марксистами непрерывно появляются новые. Кроме организованных групп, существуют активисты, издающие и распространяющие листовки в одиночку. Активность марксистского подполья то усиливается, то ослабевает, но не прекращается.

1960-е годы – Союз коммунар в Ленинграде, распространяющий журнал «Колокол» и книгу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». 1960-70-е годы – подпольные марксистские организации в Рязани, Саратове, Свердловске, молодежные группы в Ленинграде, находящиеся под влиянием Мая 1968г. (подробнее см. книгу Л. Алексеева "История инакомыслия в СССР", Москва – Вильнюс, 1992).

1975г. – восстание капитана Саблина, вместе с распропагандированными им матросами захватившего корабль «Сторожевой» и потребовавшего, чтобы ему дали сказать по телевидению о предательстве дела коммунизма руководством КПСС. Саблина расстреляли, как и семерых участников новочеркасской забастовки за 13 лет до того. Он не был реабилитирован. Эксплуататорское государство помнит своих врагов – и не прощает их. Но им, но нам не нужно такое прощение, и когда придет наш черед, мы не простим.

В конце 1970-х годов складывается марксистская группа в г. Куйбышеве вокруг инженера–нефтяника и поэта Алексея Разлацкого. От теоретических поисков она скоро переходит к практической борьбе, организуя забастовки на заводах. 1981г. – аресты. А.Б. Разлацкий и его товарищ Г. Исаев провели в тюрьмах 6 лет, а выйдя на свободу, продолжили борьбу в новых условиях. Разлацкий умер в 1989г., но его товарищи и ученики действуют и по сей день – как Партия диктатуры пролетариата. О ней речь пойдет дальше.

Так мы дошли до современного периода, начинающегося в 1985г.

Кроме общеизвестного желания представителей класса государственной буржуазии упрочить свое положение не как членов своего класса, подчиняющихся его общим интересам, а как индивидов, имеющих особые интересы, и для этого сменить форму собственности с государственной, т.е. принадлежащей всему организованному как государство классу буржуазии, на частную, у перестройки были еще две фундаментальные причины, первая из которых была во всяком случае ничуть не менее важной. Ею была потребность советской буржуазии справиться с нарастающим кризисом капиталистической рентабельности, т.е. с замедлением экономического роста, и сделать это точно тем же путем, каким в 80-е годы пошла западная буржуазия – что еще раз доказывает глубинное единство западного и восточного вариантов капитализма, – т.е. путем отказа от «государства всеобщего благосостояния», лишения трудящихся всех полученных ими в период «государства всеобщего благосостояния» уступок и гарантий и принуждения их работать на капитал возможно больше, получая возможно меньше.

Еще одной причиной перестройки была необходимость для господствующего класса изменить формы своего правления, заменить

прогнанные и потому неспособные выполнять свои функции приводные ремни контроля за пролетариатом (КПСС, комсомол, официальные профсоюзы) на более гибкие и более крепкие и предотвратить таким образом революционный взрыв, какой мог произойти в случае осуществления либеральных реформ авторитарным, но гниющим государством (как в 1980г. произошло в Польше, где ответом на повышение цен, осуществленное комбуржуазией по приказу МВФ, стала всеобщая стачка, и развитие революционной ситуации было заблокировано лишь с помощью нового инструмента буржуазии по контролю за пролетариатом – профсоюза «Солидарность»).

Удалось ли советской буржуазии достигнуть своих целей, в каких пределах и какие последствия произошли отсюда для классовой борьбы пролетариата – об этом мы будем говорить в дальнейших номерах нашего журнала. Сейчас же вернемся к истории марксизма в СССР и России.

Стачка шахтеров 1989г. не дала и не могла дать немедленных революционных результатов, весьма быстро и надолго шахтерское движение было взято под контроль либеральным крылом буржуазии против ее КПССовского крыла. Но эта стачка показала, что, несмотря на всю демагогию о замене классовых интересов общечеловеческими ценностями, классовая борьба остается двигателем истории, независимо от иллюзорных представлений, какие могут иметь о ней ее участники. Такое напоминание, вместе со всем подъемом активности низов в конце 80-х – начале 90-х годов, не могло не вселять надежды (нередко преувеличенные) в марксистов.

Во второй половине 80-х годов при газете «Комсомольская правда» были созданы общественные клубы. Вскоре они разделились на 3 части: социал-демократическую, социалистическую и марксистскую (в самый расцвет перестройки называться либералом или националистом было еще не совсем модно). Представители марксистской части дали объявление в газету «Аргументы и факты» о предстоящем создании марксистской партии с просьбой откликнуться всем желающим в ней участвовать. Многие откликнулись, и на 1 Учредительном съезде в марте 1990 г. была образована Марксистская рабочая партия – Партия диктатуры пролетариата (МРП – ПДП). На 2 съезде в сентябре 1990г. из нее ушли последователи Разлацкого, взявшие имя ПДП, имя МРП досталось другой части.

О ПДП следует рассказать особо. В отличие от МРП она не была коалицией разнообразных групп и индивидов, но настоящим, пусть маленьким, зародышем партии, сплоченным единой теорией и политикой. Теория эта была разработана А.Б. Разлацким в поисках ответа на вопросы: почему великая революция пролетариата потерпела поражение и как избежать такого поражения пролетарской революции будущего. Этот поиск, как и теоретические исследования всех марксистов-подпольщиков в СССР, происходил в вынужденной изоляции от старой большевистской и от зарубежной марксистской традиции, что неизбежно ограничивало и деформировало его результаты, но в то же время давало лишенным наставников и контролеров самородным марксистам силу и жизненность, отсутствующие у троцкистов, занятых подгонкой реальности под писания учителя.

Двойственное, критически-сочувственное отношение к Сталину сочеталось у Разлацкого и ПДП с бескомпромиссным признанием эксплуататорского характера советского общества, которое они считали феодальным. Теоретически ошибочное, такое понимание создало ПДП стойкий иммунитет против иллюзий

о послеКПССовских партиях. Любимый лозунг ПДП: «Долой феодалов–коммунистов и демократов–капиталистов! Да здравствует диктатура пролетариата!».

Специфической новацией ПДП была идея о том, что после революции пролетарская партия должна оставаться в оппозиции пролетарскому государству, чтобы не переродиться и отстаивать будущее рабочего класса против представленного пролетарским государством его настоящего. Эта мысль возникла из понимания как необходимости пролетарской партии, так и неизбежности ее эксплуататорского перерождения, если она сколь–нибудь длительный период будет осуществлять управленчески–организаторские функции над пролетариатом. Неверная в приобретенной ею у ПДП жестко–догматической форме, данная идея напоминала, что освободительное движение пролетариата равным образом нуждается как в вождах, так и в недоверии к вождям, и указывала на большую реальную проблему, разрешить которую не сможет никакая предзаданная схема, но лишь опирающаяся на производительные силы, делающие возможной самоорганизацию пролетариата, непрерывная активность рабочих после революции, их неусыпный контроль за своим руководством.

Еще одной особенностью ПДП, выгодно отличающей ее от интеллигентских и полуинтеллигентских марксистских групп, был ее рабочеклассовый характер, ее укорененность в рабочем движении Самары, особенно на ЗИМе (Заводе имени Масленникова), выступления рабочих которого активисты ПДП возглавляли не один раз (один из примеров - перекрытие рабочими ЗИМа центральной улицы Самары в начале 1998г.).

Издававшаяся ПДП в 1992-1993гг. «Забастовка» была, наряду с «Контраргументами и фактами» 1992г. и «Рабочей демократией» 1993 – 1996гг., лучшей марксистской газетой в России 1990-х годов - не сборником статей на разные темы, а орудием, все снаряды из которого бьют в одну цель.

ПДП продолжает революционную борьбу по сей день. Отстаивая непримиримую классовую линию пролетариата, его независимость от всех фракций буржуазии (еще один из любимых лозунгов ПДП, очень хороший и правильный - "Все начальники - сволочи!"), борясь за разрушение буржуазного государства и захват власти пролетариатом, ПДП была и остается одной из лучших революционно–пролетарских организаций России.

МРП не заслуживает такого восторженного отзыва. На каждом из первых ее двух съездов присутствовало больше ста человек, и, по утверждениям ее лидеров, ее численность в начальный период достигала 10 тыс. членов. Даже если цифра преувеличена на порядок, то по сравнению с марксистскими группами эпохи спада массовой активности, состоящими из единиц и в лучшем случае немногих десятков, получается все равно огромное количество. И на что была потрачена эта сила?

МРП создала профсоюз «Защита», достигший бесспорных профсоюзных успехов. Но чем больше становились эти успехи, тем больше «Защита» дистанцировалась от МРП, пока не вышла из-под ее контроля окончательно, став полем деятельности различных послеКПССовских партий и в начале 2002г. объединившись с рядом откровенно буржуазных профсоюзов в Российскую партию труда. Руководитель «Защиты» и бывший лидер МРП Юрий Леонов в 1993г. *по списку КПРФ* (в том же списке красовалась и фамилия Станислава Говорухина) был избран в Госдуму, где показал себя не новым Карлом

Либкнехтом, а обыкновенным профсоюзным лоббистом, после чего и пропал с политической и профсоюзной арены. Потеряв «Защиту», МРП создала новый профсоюз, «Рабочее сопротивление», который в течении нескольких лет оставался маленьким и малоизвестным, а впоследствии следы его существования и вовсе теряются.

В 1991–93 гг. МРП издавала газеты «Сообщает ИРА» (ИРА означало не Ирландскую республиканскую армию, а Информационное рабочее агентство) и «Рабочий». Несколько номеров «Рабочего» вышли 100-тысячным тиражом, а «Сообщает ИРА» довольно долго издавалась раз в 2 недели. Она представляла собой сборник материалов на разные темы, из которого можно было узнать немало интересного, но невозможно было узнать одного: на каких позициях стоит сама редакция и за что выступает газета. Всякие сталинисты с чистой совестью распространяли ее и писали в нее заметки и письма, ибо если она и отличалась чем-то от сталинистских газет, то лишь своей бесцветностью.

С 1993г. начал выходить журнал МРП «Марксист». Уже сама нерегулярность его выхода делала его малопригодным для роли коллективного пропагандиста и организатора, ибо промежуток, отделяющий каждый новый номер от предыдущего, рос до сих пор в правильной геометрической прогрессии (№1 – 1993г., №2 – 1994г., №3-4 – 1996г., №5 – 2000). Что более важно, «Марксист» не был «оружием борьбы за власть пролетариата», но собранием хороших и плохих материалов, и в №2 статья «Социал–фашизм», доказывающая фашистскую природу послеКПССовских партий, мирно сосуществовала с воспоминаниями теоретика этих партий Р. Косолапова о его встречах с Молотовым.

К середине 90-х годов МРП сократилась до естественного уровня в несколько десятков человек. Но то, что осталось, было не централизованной партией (централизованная работа для организации, главная деятельность которой – пропаганда, невозможна без регулярного печатного органа, а его у МРП не было), а федерацией действовавших автономно местных групп, нередко занимавшихся профсоюзной (в рядах «Защиты») работой намного больше, чем партийной. А одна из таких местных групп – Южное бюро МРП – вместе со своими предшественниками, «коммунистами рабочих Советов» 1930-х годов возвела нужду в добродетель и решила, что если невозможно создать партию сейчас, то ее нельзя создавать вообще(1).

Своеобразное явление 1992–1993 гг. – газета «Контраргументы и факты» и созданный ею Оргкомитет Партии социального прогресса. Редакция «Контраргументов и фактов» с конца 80-х годов действовала в рядах антигорбачевского и антирыночного течения внутри КПСС – т.е. взаимопереплетающихся Объединенного фронта трудящихся и Движения коммунистической инициативы. Когда после августа 1991г. это течение преобразовалось в РКРП и «Трудовую Россию», редакция «КиФ» не приняла союз своих вчерашних товарищей с национал–патриотами, монархистами и фашистами. Критика, которой в 1992г. «Контраргументы и факты» подвергли псевдокоммунистическую оппозицию, по глубине и последовательности содержания, а равным образом по блеску и изяществу формы намного превосходила аналогичную критику в МРПшных и троцкистских газетах 1992 г. Но в качестве позитивной программы «КиФ» предложили только утопию демократического и нексенофобского сталинизма, а потому и скончались в 1993г., успев перед смертью напечатать сталинистскую критику троцкизма.

Троцкизм вновь появляется в СССР и России в начале 1990-х годов. Нет нужды говорить о мелькнувших и исчезнувших троцкистских группах (спартакисты, «Рабочая борьба», Социалистический рабочий союз). Но история Комитета за рабочую демократию и международный социализм (КРДМС) не должна пропасть бесследно.

КРДМС создан осенью 1990г. бывшими членами Фракции коммунистов–демократов Демократического союза, а затем эфемерного Союза коммунаров, вошедшими в один из наиболее правых троцкистских интернационалов – Комитет за рабочий интернационал. Пока КРДМС оставался частью КРИ, он был типичным левым охвостом буржуазных фракций, критически поддерживая Ельцина в августе 1991г. и Анпилова в феврале 1992г.

Но те, кто в начале 90-х годов становился троцкистом, делали это – в немалой своей части – не для того, чтобы защищать или восстанавливать СССР, что они прекрасно могли делать в любой сталинистской партии, но для того, чтобы бороться за революцию. В феврале 1993г. большинство КРДМС порывает с КРИ и становится независимой троцкистской организацией. Оставшаяся в КРИ часть, вскоре переименованная в «Левый авангард», постепенно растет, постепенно и без потрясений правееет и в конце концов находит свое место в Российской партии труда – российском карикатурном варианте лейбористской партии.

История КРДМС развивается по-другому.

Порвав с КРИ и осудив отстаиваемую последним идейку, что «марксисты не проповедают насилие», КРДМС сдвигается влево настолько, насколько было возможно для троцкистской организации. Его газета – «Рабочая демократия» подвергает безжалостной критике социал–шовинистов из послеКПССовских партий и убедительно доказывает правобуржуазный, архиреакционный характер этих партий. Национальному единству она противопоставляет интернациональное единство пролетариата, пропагандирует и отстаивает независимую политику рабочего класса, враждебную всем буржуазным фракциям. Скудны непосредственные успехи, но в эпоху реакции и не может быть по-другому. Приходят единицы, но тем, кто становится революционерами, когда торжествует контрреволюция, принадлежит будущее...

Есть пределы, каких троцкизм не может перейти. Даже лучшие троцкистские организации в моменты общественных потрясений любят цепляться за хвост какой–то из буржуазных сил, надеясь перехитрить историю. В межбуржуазной драчке осенью 1993г. КРДМС декларирует поддержку Верховного Совета, на выборах в Госдуму в том же году клеит листовки за лидера «Защиты» Ю. Леонова и другого «рабочего кандидата», РКРПшника Шишкарева. Все это – тревожные симптомы на будущее.

В свой лучший период КРДМС не был однородной организацией. В этом заключалась как временная сила, так и семена грядущего вырождения. Его активисты (отнюдь не все из них являлись троцкистами) были коммунистами, врагами сталинизма и национализма, но двигались из разных точек в разных направлениях. Единство организации скреплялось не демократическим централизмом и не "органическим централизмом" (возведенным в принцип великим итальянским революционером А. Бордигой и некоторыми его учениками), но обыкновенным бюрократическим централизмом. Это не могло не кончиться катастрофой.

С самого начала своего самостоятельного существования КРДМС выступал за объединение всех марксистских групп в Революционную Рабочую Партию.

Очевидные плюсы такого объединения затмевали глаза на его невозможность. Организационное объединение может быть лишь следствием идейного единства. А оно требует не благочестивых возгласов о пользе единства, а тяжелой теоретической работы, которая может дать непосредственные политические плоды лишь в период общественного подъема, а не реакции.

«Политика есть такая же наука, как любая другая. Она подчиняется законам столь же незыблемым, как и законы физического мира». Эта истина, известная великому революционеру Жан-Полу Марату, неведома искателям волшебной палочки, тем, кто мечтает получить все и сразу и не получит ничего и никогда, кто в надежде на немедленные успехи хочет делать то, на что нет силы, и потому не делает подготовительную работу, которую должен был делать, хочет примирить всех со всеми и потому становится врагом для всех.

Отсутствие у КРДМС разрыва с троцкистскими ошибками, отсутствие выработанной теоретической основы, разношерстность организации, господство в ней бюрократического централизма привели в 1998 - начале 1999гг. к ее стремительному оппортунистическому перерождению. Не сумев достичь немедленного объединения марксистских групп в Революционную Рабочую Партию, организация предпочла не идти тернистым и долгим путем подготовки ее подлинного создания, но переименовать в Революционную Рабочую Партию себя, как будто достаточно назвать себя генералом, чтобы получить армию. Отказавшись от принципиального неприсоединенчества к троцкистским интернационалам, она вошла в Комитет за марксистский интернационал, отколовшийся от КРИ *вправо* незадолго до того, как КРДМС откололся от него *влево*. После этого отличие в лучшую сторону российской троцкистской организации от западных троцкистов исчезло, и РРП принялась поддерживать то РКРП, то Милошевича, то буржуазное правительство Молдовы. Выступавшие внутри КРДМС против его оппортунистического перерождения (в разное время и по разным поводам) группы и активисты ушли из его рядов – в разных направлениях.

Хотя РРП отказалась от нелепой идеи создания сильной марксистской партии путем собирания в одну кучу всех левых и полулевых групп, заменив ее не менее нелепой идеей самообъявления такой партией, мысль об объединении по такому способу обрела в конце 90-х годов новую силу и даже начала реализовываться с первоначальным успехом – за которым последовал неизбежный провал. Толчком послужил взрыв рабочей борьбы весной – летом 98г. – «рельсовая война».

Показав, что рабочее движение в России имеет и будет иметь взрывной, скачкообразный характер, она в то же время обнаружила неподготовленность российских марксистских групп к переходу от пропаганды к агитации, а тем более к руководству массовой борьбой. КРДМС, а особенно ПДП активно участвовали в пикете на Горбатом мосту, но пикет на Горбатом мосту был лишь слабым отблеском того, что происходило в Западной Сибири. Слабость марксистских групп по отдельности создавала представление, что после их объединения она превратится в силу.

Во второй половине 90-х годов произошло полевание некоторых послеКПССовских организаций – Объединенного фронта трудящихся и Московской городской организации ВЛКСМ, после исключения из ВЛКСМ создавшей вместе с несколькими провинциальными экс-комсомольскими группами Союз марксистов. Переход ОФТ и СМ в «марксистский» (на самом

деле - в центристский) лагерь усилил надежды, что из объединения всех сил этого лагеря получится нечто достаточно мощное. Даже те, кто, как мы, не питал иллюзий о полезности и возможности объединения всех со всеми, не мог отрицать пользы такой попытки – но пользы в совсем другом смысле. Прежде, чем объединяться, нужно размежеваться. Но прежде, чем размежеваться, нужно лицом к лицу столкнуться. Революционеры должны объединиться с революционерами, реформисты могут объединиться с реформистами, центристы должны сделать выбор, но прежде все они должны выйти из кружковой замкнутости, обусловленной не идейными причинами, а провинциальной ленью, и в открытой политической борьбе выяснить, кто кому друг, а кто враг. Так и произошло.

В августе 1999г. состоялась конференция марксистских и полумарксистских групп, где присутствовали почти все – кроме ПДП и РРП. Было учреждено Движение за рабочую партию – и очень скоро оно начало раскалываться. Дискуссии в ДЗРП, сперва отдававшие мелочным буквоедством, очень быстро стали приобретать более глубокое значение и начало вырисовываться деление на сторонников обыкновенного лейборизма и группы, имевшие более левые претензии.

На выборах в Госдуму в декабре 1999г. по Астраханскому избирательному округу был избран лидер ОФТ, «Защиты» и фактически лидер ДЗРП Олег Шеин. Но радость сторонников «революционного использования парламентаризма» оказалась преждевременной. Шеин сделал все, что мог, дабы доказать невозможность революционного парламентаризма. За это мы, отстаивающие бойкот выборов сектанты, должны объявить ему благодарность.

В Госдуме Шеин сразу же вошел в депутатскую группу «Российские регионы», где оказался в милой компании с поклонником Сталина и Пиночета Алкснисом, другом российских мафиози Кобзоном и «социалистом»– миллионером Шаккумом. Вместо разоблачения с трибуны парламента буржуазного строя и самого парламента Шеин занялся обыкновенной работой буржуазного парламентария. Произошло не революционное использование возможностей, предоставляемых буржуазной легальностью, а переработка и использование буржуазной легальностью вчерашнего непоследовательного революционера. То, что у социал–демократии заняло 45 лет, а у компартий – 15 лет, с Шеиным произошло мгновенно. Все попытки более левых элементов ДЗРП видеть в нем партийного депутата и как–то его контролировать Шеин сразу пресек, заявив, что отвечает не перед ДЗРП, а перед своими избирателями – т. е. ни перед кем.

В итоге на второй конференции ДЗРП в августе 2000г. из нее ушло левое крыло – МРП, т.н. Рабочая фракция ДЗРП и неортодоксальная троцкистская группа под названием Международная рабочая партия (МежРП). Они образовали Марксистский блок, начавший издавать газету «Дело рабочих», своим бесцветным экономизмом напомнившую о газете экономистов начала 20 века «Рабочее дело».

В это же время и после происходила кампания против принятия нового КЗОТа, предпринятая ДЗРП и активно поддерживаемая Марксистским блоком. Кампания эта кончилась неудачей – и не могла кончиться по-другому.

Рабочие – лишенный власти класс буржуазного общества. Пока существует капитализм, не они решают, какими методами буржуазия осуществляет свое господство и какими законами его оформляет. Единственный путь хоть как–то

отстоять свои интересы, защитить себя от ненасытности капитала – это классовая борьба, прямое действие, стачки, демонстрации, перекрытие дорог, захват предприятий и т.д. и т.п. без всяких попыток "использовать в своих интересах" те или иные элементы буржуазной политической системы: парламенты и муниципалитеты, участие в избирательных кампаниях пусть даже самого что ни на есть "рабочего" кандидата, большие бюрократизированные профсоюзы и пр. Только прямое действие пролетариев, организованных в нелегальную, никак не интегрированную в буржуазную политическую систему и не пользующуюся услужливо предлагаемыми буржуазией "законными средствами борьбы" децентрализованную революционную партию (объединяющую вокруг себя стачкомы, "рабочие ассамблеи" и маленькие, небюрократизированные профсоюзники), способно воспитать их революционерами.

Попытки подменить действие самих пролетариев профсоюзными петициями и парламентскими комбинациями заведомо бесплодны и только развращают как тех, кто ими занимается, так и тех пролетариев, кто в эти попытки поверит. Конечно, с помощью "своего" депутата или большого легального профсоюза можно время от времени вырывать у буржуев то ту, то другую уступку; но в то же время такая легальная борьба приучает пролетариев, борющихся с одними буржуями, искать себе союзников среди других буржуев, бороться "в рамках законности" и доверять своим вожакам, удобно рассевшимся в мягких креслах депутатов и профсоюзных боссов. Иными словами, парламентаризм и профсоюзничество *отучают пролетариев от самостоятельности* - а это значит, что когда капиталисты захотят отнять назад те уступки, которые были раньше выжаты у них при помощи новоиспеченных "рабочих депутатов" и молодых "оппозиционных профсоюзов", то обросшие связями с буржуазией депутаты и профбоссы предадут, а отвыкшие от самостоятельного прямого действия, привыкшие подчиняться переродившимся вожакам пролетарии не смогут отстоять свои интересы. *Только партия-"отщепенец", никак не интегрированная в буржуазную политическую систему и не пытающаяся обеспечить успех классовой борьбы пролетариата парламентскими комбинациями и строительством больших легальных профсоюзов, может не переродиться и, оставаясь революционным лидером своего класса, не изменять ему, вести его к взятию власти.* (2)

Старый КЗОТ, при всех его плюсах, имел один минус: он был мертв. По нему давно не жили во всяком случае на подавляющем большинстве предприятий. Именно поэтому рабочие, объективное положение которых бесспорно должно было ухудшиться после превращения во всеобщий закон того, что до сих пор было всеобщим нарушением закона, субъективно не чувствовали это.

Зато принятие нового КЗОТа резко било по лидерам и активистам мелких профсоюзов, деятельность которых согласно новому КЗОТу резко затруднялась. Поэтому все эти профсоюзы активно включились в антиКЗОТовскую компанию. Кроме «Защиты», все они твердо стояли на позициях «делового тред-юнионизма», т.е. признавали буржуазный строй как нерушимую реальность и выступали лишь за лучшие условия продажи рабочими своей рабочей силы. Многие из них (прежде всего – Соцпроф) были созданы в конце 80-х – начале 90-х годов с помощью АФТ–КПП – агентуры американского империализма по контролю за зарубежным рабочим движением. Разница их с «Защитой» в происхождении и идеологических позициях не помешала тому, что «своя своих

познаша» и движение против нового КЗОТа, не помешав его принятию, увенчалось в январе 2002г. созданием Российской партии труда – под фактическим патронажем Соцпрофа.

Сам Шеин признает: «Конечно, это не марксистская партия», - но «вряд ли в условиях государственного авторитаризма и общего спада следует ожидать в ближайшее время создания реальной марксистской партии в России» («Что делать?», №17(40)). Ох, как согласились бы в 1880–90-е гг. с этими словами проповедники «малых дел» и авторы известного «Кредо»! Не согласились только сектанты и догматики Плеханов и Ленин – и какие замечательные "ужасы" из этого получились!..

Попытка создания лейбористской партии в России – уже вторая. Первая уже была 10 лет назад - и кончилась провалом. Если создание «реальной марксистской партии» в России чрезвычайно трудно, то создание реальной лейбористской партии в силу характера российского капитализма и современной мировой ситуации является чистой утопией.

Отколовшийся от ДЗРП Марксистский блок, сначала объединявшийся вокруг «Дела рабочих», продолжал испытывать дальнейшие расколы. Сперва выделилась наиболее левая часть, образовавшая Интернациональный коммунистический союз (газета «Мировая революция»). Затем раскололась МРП, причем обе части центром своей деятельности рассматривают не «Дело рабочих», а собственные газеты, после чего «Дело рабочих» остается изданием лишь МежРП и бывшей Рабочей фракции ДЗРП.

ИКС, с одной стороны, как будто претендуя на место в левокоммунистическом лагере (до такой степени, что несколько пунктов его Платформы являются переводом «Базовых позиций» одной из левокоммунистических организаций, Интернационального коммунистического течения, других позиций которого ИКС отнюдь не разделяет), в то же время не стоит на левокоммунистических позициях в таких важных вопросах, как национальный (отказ от лозунга «право наций на самоопределение» и поддержки буржуазных национальных движений), парламентский (принципиальное неучастие в выборах) и профсоюзный (отказ от иллюзий о возможности революционного преобразования профсоюзов). Как он будет развиваться дальше – покажет время(3).

В начале 2002 г. МРП раскололась на антипартийную и антиленинистскую МРП, наследницу Южного бюро МРП (газета «Левый поворот») и понимающую ленинизм в духе тактицизма и профсоюзничества МРП (большинство)(4). МРП(б) начала издавать газету «Стачка», своей целенаправленностью и определенностью выгодно отличающуюся от покойной «Сообщает ИРА», но сохраняющую профсоюзнические и национал-освободительные иллюзии. Перейдет ли она на последовательно-революционные позиции, покажет время (как и в случае с ИКС).

В 2000г. возникла наша Группа пролетарских революционеров-коллективистов. Ее образование стало следствием двух теоретических процессов: усвоения нами традиции итальянского левого коммунизма – наиболее последовательного революционно-пролетарского течения эпохи торжества контрреволюции, и одновременно с этим – нашего стремления развивать исторический материализм на путях самого исторического материализма (что намного труднее, чем превращать его в неизменяемый догмат либо разбавлять его чужеродными примесями).

Не имея иллюзий и восторгов, не стремясь перехитрить историю, но будучи лишь покорными выразителями исторического процесса, лишь «мечами в руке божьей», по замечательному выражению английских буржуазных революционеров 17 века, мы делаем то, что должны делать, и знаем, что будет то, что будет, а будет и на нашей улице праздник, праздник разбившего цепи пролетариата.

В октябре 1900г. в заявлении о выходе «Искры» говорилось: «Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а... такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать прочное идейное объединение, исключаящее ту разногласицу и путаницу, которая - будем откровенны! - царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это объединение партийной программой... выработке общей, принципиально выдержанной литературы, способной объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии». Кроме отдельных формулировок, это же мы можем сказать и сегодня.

Принятие нового КЗОТа выбивает почву из-под ног у легалистских иллюзий пролетариев. Проведение буржуазным государством националистической, державоукрепительной и империалистической политики в сочетании с политикой антирабочей (новый КЗОТ, реформа железных дорог и жилищно-коммунального хозяйства) выбивает почву из-под иллюзий патриотических. На заводы приходит новое поколение. Обостряются империалистические противоречия. Век катастроф набирает обороты. Решающий бой впереди.

Процесс формирования и развития революционной пролетарской партии будет долгим и трудным. В ходе него шелуха отсеется, а зерно останется.

«И наступил час испытания душ. Все трусы, колеблющиеся, революционеры на час и герои на праздник, сбегут, но те, кто устоит, стяжут себе бессмертную славу. Все хорошее стоит дорого. Так неужели вы хотите задешево приобрести самую прекрасную вещь на свете – свободу?», - писал в годы Американской буржуазной революции Том Пейн. Так насколько же дороже надо заплатить за подлинную, пролетарскую свободу?..

Примечания.

(1) Формально члены Южного бюро МРП не отказались от использования слова "партия". Но фактически под пролетарской партией они понимают то же, что и германские левые коммунисты из КРПГ в 20-е гг. - не боевой централизованный авангард пролетариата, а пропагандистский клуб. Такой клуб по сути своей не есть партия, поскольку не является штабом боевых сил своего класса, руководящим ими в борьбе за власть последнего.

(2) Нетрудно доказать, что в результате того, что парламентаризм и профсоюзничество мешают пролетариату стать революционным,

обесмысливаются все те уступки, которые вырывают у буржуазии для рабочих "рабочие депутаты" вроде Шеина и "независимые профсоюзы" вроде "Защиты".

Действительно, *если пролетариат не возьмет власть во всем мире в течение ближайших 100 - 200 лет, то через 300 - 400 лет человечество полностью вымрет.* Следовательно, *только перспектива победы мировой пролетарской революции придает смысл всей истории человечества.* А раз парламентаризм и профсоюзничество препятствуют этой победе, то какой же смысл в том, что благодаря им часть рабочих в течение некоторого времени будет жить лучше? Ведь если мировой пролетариат так и будет доверять всяким шейным, то за эти временные и частичные улучшения будет заплачена страшная цена - революция не победит, и человечество погибнет! И какой же смысл будет в том, что Шеин помог нескольким тысячам рабочих прокормить своих детей, если все их внуки и правнуки сыграют в ящик, не оставив после себя потомства?

Только "прямое действие" пролетариата, организованное нелегальной децентрализованной революционной партией, поможет человечеству выжить, уничтожив деление общества на классы. И даже если тактика прямого действия поначалу принесет меньше непосредственных достижений и больше трудностей, чем парламентаризм и профсоюзничество, то все равно стоит избрать именно ее.

(3) Прежде чем опубликовать эту статью, мы разослали ее черновым вариантом нескольким знакомым левым. Один из них, член ИКС, прислал на нее отзыв, из которого мы процитируем несколько замечаний, сопроводив их нашими комментариями:

"Скажу насчет ИКС. Во-первых, несколько пунктов, оказавшихся в Платформе, были взяты... из Платформы Интернациональной Коммунистической группы, а не МКТ (Международного Ком. Течения)".

Тем не менее, эти несколько пунктов дословно совпадают с соответствующими пунктами из программных документов МКТ. В тех документах ИКГ, с которыми мы знакомились, нам такие совпадения с платформой ИКС не попадались.

"...права наций на самоопределение. Мол, это не позиция левых коммунистов. Бордигисты, и не только они, такое право признают".

Зато его не признает, к примеру, ИБРП - более последовательная пролетарско-революционная, левокоммунистическая организация, чем бордигистские группы. ИКГ, о которой упоминает автор письма, тоже не признает этого права - и в этом вопросе она более последовательна, левокоммунистична, чем бордигисты, не до конца избавившиеся в этом вопросе от родимых пятен ортодоксального ленинизма.

"...откровенным враньем является приписывание нам "поддержки буржуазных национальных движений". Это просто противоречит нашей Платформе".

Нация - это общность, консолидируемая в единое целое буржуазией. Право нации на самоопределение = праву национальной буржуазии на самоопределение. Следовательно, всякий, кто в той или иной степени поддерживает право наций на самоопределение, точно в той же степени поддерживает буржуазные национальные движения, на практике реализующие право национальной буржуазии на самоопределение. После этого можно говорить все, что угодно, о своем отказе от поддержки буржуазных национальных движений - это будет означать лишь то, что вы поддерживаете ту или иную национальную буржуазию *с оговорками, непоследовательно.*

"Насчет "возможности революционного преобразования профсоюзов" мы просто нигде и никогда не высказывались".

Вот именно. Раз члены ИКС нигде и никогда не высказывались на эту тему - значит, они ни единым словом не отреклись от того, что большинство членов ИКС менее двух лет назад, участвуя в издании и распространении "Дела рабочих", пропагандировали сотрудничество с "Защитой" - следовательно, они остались при своих прежних позициях по данному вопросу.

(4) Существует также группа, представляющая собой еще один, несколько более ранний, откол от МРП - так называемая "МРП (коммунисты)", занимающая очень правые политические позиции.

Марлен Инсаров

Новый век и старый империализм.

Взрывы в США 11 сентября 2001 г. породили множество интерпретаций их причин. Лишь одна из этих интерпретаций была заведомо неправильной и смехотворной: официальная, согласно которой злобные исламские террористы, пропитанные бескорыстной ненавистью к «цивилизации» и вооруженные ножами, принудили легчиков врезаться в здания Всемирного Торгового Центра, дабы покарать «Большого Шайтана», а заодно дать оному Шайтану идеальный предлог для развертывания программы перевооружения, установления военного контроля в Центральной Азии, усиления полицейского режима, массовых сокращений на производстве и т.д. и т.п.

События 11 сентября (показавшие еще раз крайнюю хрупкость инфраструктуры современной буржуазной цивилизации и крайнюю зависимость ее обитателей от неподвластных им могущественных сил – сил уже не природы, а общества), были настолько филигранной операцией, потребовавшей таких средств и такого высокого уровня планирования и координации действий, что гипотезу об организации их какой-то исламской террористической организацией, действовавшей соответственно собственным целям, можно отбросить сразу. Реально существующие исламские террористические группы, способные на бесцельный террор мести и отчаяния, технически не смогли бы провести акцию такого размаха, любая же организация, имеющая возможность организовать акцию такого масштаба, неизбежно должна была бы сперва четко определить цели, каких она хочет и может достигнуть этим, и сотни раз просчитать все возможные последствия. Возмущенное чувство движет террористом–одиночкой, террористические организации основываются на политическом расчете.

Символический характер ущерба для американского империализма – вот что бросается в глаза при взгляде на акцию 11 сентября. Тщательное планирование, прекрасная организация, много крови, мук и дыма, отчаяния и ужаса – и почти никакого ущерба для американского капитализма и его государства. Если бы организаторы нападения действительно хотели бы нанести как можно больший ущерб США и сделать так, чтобы результаты были адекватны усилиям и жертвам, цели удара были бы совсем другими (главный удар – не по Всемирному Торговому Центру, а по Белому Дому и Пентагону, удар по атомным

электростанциям и т.п.). Интересно и то, что самолеты обрушились на Всемирный Торговый Центр утром, когда там находятся в основном служащие и рабочие, а не ближе к обеду, когда там появляются представители крупной буржуазии.

Очевидно сходство взрывов 11 сентября с взрывами жилых домов в России осенью 1999г. И там, и там неизбежный результат действий мог иметь только самые неблагоприятные последствия для политических целей тех сил, кому террористические акты были приписаны, зато чрезвычайно выгодны для тех, кто, вопя о борьбе с терроризмом, развернул после этого во всю мощь политику государственного терроризма (русский империализм – в Чечне, американский – в Афганистане) и извлек из этих терактов такую огромную выгоду, что неизбежно приходит на ум, что сам эти теракты и организовал.

Если бы чеченские террористы, ради достижения независимости Чечни (независимости, де-факто уже существовавшей во время взрывов, в период между 1-й и 2-й чеченскими войнами), хотели бы перенести войну на территорию России, они должны были бы для этой цели взорвать Ельцина, а на худой конец какого-нибудь Чубайса. После чего благодарные им российские трудящиеся всей душой поддержали бы дело чеченской независимости и даже поставили бы памятник чеченским сепаратистам.

Но российские трудящиеся напрасно ждали бы освобождения из рук чеченских террористов. В современную эпоху упадка капитализма, исчерпания им своей прогрессивности Великий и Революционный мелкобуржуазный Террор ушел в безвозвратное прошлое. Фениев, народовольцев и эсеров, даже РАФовцев и краснбригадовцев, сменили гангстеры с претензиями, как правило, служащие одной империалистической клике против другой.

Поэтому осенью 1999г. взорваны были не Ельцин с Чубайсом и даже не особняки рядовых олигархов, а жилые дома пролетарских районов, что создало атмосферу паники и истерии, идеальную для развязывания новой чеченской войны и плавной передачи власти гэбэшнo-собчако-чубайсовскому выкормышу, после чего взрывы и прекратились, как по приказу.

Это не означает, что техническими исполнителями, слепыми, полуслепыми или просто купленными, взрывов домов в Москве не могли быть чеченцы, а взрывов 11 сентября в США – «исламские фундаменталисты». Наивно было бы думать, что давние и прочные связи У. бен Ладена, «Аль Кайды» и талибов с ЦРУ оборвались полностью и навсегда, и что американская буржуазия (какие-то узкие руководящие группы внутри нее) не могла тем или иным способом, через те или иные посредствующие звенья (как именно – узнаем после захвата власти всемирным пролетариатом, если узнаем даже тогда) использовать своих давних агентов – использовать в *своих* целях. Точно так же неправильно было бы забывать о контактах Басаева с ГРУ или о связях Березовского с чеченской мафией. Но убивает не меч – убивает тот, кто командует мечом.

Итак, в чьих интересах были взрывы 11 сентября в США? «Кому выгодно?» - 1-й вопрос, который надо задавать при расследовании любого преступления.

Очевидно, что, кто бы ни был организатором нападения на ВТЦ и Пентагон, играл он очень по-крупному и ставки были весьма высоки. Огромная масса обездоленных "третьего мира", не думая о реальных причинах и последствиях, в первую очередь радовалась тому, что «отлились кошке мышкены слезки», что можно бросить вызов якобы всемогущему американскому империализму, что впервые с 1914 г. война пришла на американскую землю (и куда нападению мексиканских повстанцев Панчо Вильи на пограничный американский

городишко – типичный бесцельный акт отчаяния – по своим эффектам до бомбардировки Нью-Йорка!). Это была не коммунистическая, а шовинистическая радость (прежде всего потому, что в Москве, Бейруте, Каире и т.д. радовались удару по американскому империализму, а не по своему собственному, и не задумывались над тем, а был ли удар по империализму на самом деле), но ни о чем хорошем для американского империализма она не говорила. И если инициатором акции был американский империализм, у него должны были быть весьма серьезные причины пойти на акцию, неизбежным побочным эффектом которой был показ уязвимости США, если же ее организовал кто-то из империалистических конкурентов США, у него должны были быть не менее серьезные причины для игры с огнем, для такого вызова, пусть крайне замаскированного, американскому гегемону.

У империалистических конкурентов США (Западная Европа, Китай, Россия) едва ли были и мотивы, и воля, и сила для провокации такого масштаба. Обретение европейским империализмом единой политической воли далеко от завершения, и момент, когда он бросит вызов американской гегемонии, еще не близок. Китай тоже далеко не готов к борьбе за передел мира и пока что заинтересован в международной стабильности, а не в мировых потрясениях. Россия, по своей экономической силе способная быть лишь региональным жандармом и могущая претендовать на роль второй сверхдержавы разве в фантазиях правительственных и оппозиционных патриотов, тоже далека от того, чтобы повести столь рискованную игру, какую она не вела даже тогда, когда Российская империя называла себя Советским Союзом.

Остаются сами США. И то, что американский империализм должен был организовать такую грандиозную провокацию, свидетельствует о том, что «насквозь прогнило королевство датчан», что мир, стабильность, процветание, прогресс – все это сегодня либо утопия благочестивых мещан, либо вранье стоящих у власти главарей банд, именуемых государствами, что капитализм в начале 21 века снова, как и в начале 20 века, вступил в эпоху неслыханных перемен и невиданных мятежей, в эпоху катастроф, империалистических войн и пролетарских революций. В эту эпоху, скорее всего, решится судьба человечества – погибнет ли оно, деградирует ли на 1500 лет назад или сбросит с себя путы капитализма и наконец-то станет из мнимого реальным единством, т.е. бесклассовым безгосударственным коллективом...

Еще раз: чтобы американский империализм в лице его руководящих групп пошел на такую провокацию, цель должна была быть весьма высока. Речь не могла идти всего лишь о том, чтобы усмирить Афганистан и позволить тем самым компании «Юнокал» провести газопровод Туркменистан – Пакистан. Разумеется, власть в капиталистическом мире подразумевает в т.ч. власть над природными ресурсами, борьба за лидерство означает в т.ч. борьбу за контроль над нефтяными месторождениями и нефтепроводами, но империалистическая экспансия и межимпериалистическое соперничество движутся в 1-ю очередь не интересами частных групп капиталистов, а потребностями империализмов в целом.

Основной проблемой американского империализма в настоящее время является следующая: как сохранить политическую и военную гегемонию в мире, когда теряется ее реальная основа - экономическая гегемония? Если перед Первой Империалистической Войной ВВП США составлял 33% мирового, а после Второй Империалистической Войны – 50%, то сейчас лишь немногим больше 20%. На пятки насаждает объединенная Европа (в 1999г. валовый продукт

ЕС – 19,8% мирового, США – 20,4%) (А. И. Уткин. Мировой порядок 21 века. М., 2001, с. 241). В ближайшие 15 – 20 лет остро встанет проблема Китая, в котором многие теоретики американского империализма (и не только они) видят главного будущего конкурента США. Сохранить свое политическое лидерство в империалистическом мире, когда экономическое развитие подрывает его объективную основу, помешать усилению и объединению своих конкурентов – такова была главная цель внешней политики США в 1990-е годы. Полностью сохраняется она и сегодня.

Потеря Соединенными Штатами их экономической гегемонии была вызвана не какими-то просчетами в стратегии их правителей, а неотвратимыми экономическими законами капитализма. Фундаментальным законом капитализма является тенденция нормы прибыли к падению. Эта тенденция свидетельствует о том, что капиталистический прогресс подрывает свою собственную движущую силу. Чем больше развит капитализм, тем выше отношение постоянного капитала к переменному, иными словами, все меньшее количество живого труда способно приводить в движение все большее количество овеществленного труда, машин и т.п. То, что при коллективистском строе было бы огромным благом – замена живого труда машинами, становится смертельными путями для функционирования капитализма, ибо прибыль создается только живым, а не овеществленным трудом. Затраты капиталиста на машины, сырье и т.п. (постоянный капитал) – для него лишь неизбежные, но увы, не приносящие прибыль издержки.

Чтобы отсрочить фатальное действие тенденции нормы прибыли к падению, капитализм прибегает к мировым войнам, которые уничтожают огромную массу накопленного капитала и тем самым временно повышают вновь отношение переменного капитала к постоянному. Это было глубинной экономической причиной двух империалистических войн в 20 веке, точно так же как будет и глубинной причиной грядущей мировой империалистической войны.

Или же капиталисты вкладывают капиталы и организуют производство в отставших по уровню развития странах, где отношение постоянного капитала к переменному ниже, чем во флагманах капиталистического прогресса, т. е. где труд намного дешевле и играет в производстве намного большую роль, чем орудия труда, в силу чего здесь при одинаковой затрате капитала можно получить намного большую прибыль. Происходит индустриализация этих стран и деиндустриализация, промышленный упадок бывших самых передовых стран. Американские капиталисты предпочитают переводить промышленные предприятия в Юго-Восточную Азию или в Мексику, тогда как в самих США 70% рабочей силы занято в сфере услуг.

Еще один ответ капитала на тенденцию нормы прибыли к падению – это бегство из промышленного производства в финансовые спекуляции, где можно получить огромные прибыли быстро и не заботясь о последствиях. Раздувание спекулятивно-паразитического финансового сектора за счет реального производства в 1990-е годы как в экс-СССР, так и во всем остальном капиталистическом мире было не причиной, а следствием кризиса производственного сектора, обусловленного тенденцией нормы прибыли к падению. Но раздувшийся спекулятивный пузырь рано или поздно должен лопнуть. А так как в 2000г. всемирных спекулятивных сделок осуществлено на 300 трлн долл. при всемирном производстве в 40 трлн долл. (Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. М., 2001, с. 6), то обвал этой

раздувшейся спекулятивной сферы имел бы для капитализма весьма и весьма болезненный характер.

Возникающий как ответ на тенденцию нормы прибыли к падению перелив капитала в страны с более низким органическим строением капитала, т.е. с более низким отношением постоянного капитала к переменному (и во всех прочих отношениях как можно более подобной стране – экспортеру капитала. Несмотря на крайнюю нищету африканского населения и крайнюю дешевизну в Африке рабочей силы, создание там современной промышленности и всей необходимой для нее инфраструктуры требует столь больших, к тому же рискованных и негарантированных капиталовложений, что американские капиталисты предпочитают вкладывать капиталы не в Африку, а в Мексику. Точно так же огромных капиталовложений потребовала бы реорганизация российской промышленности, несмотря на пресловутую дешевизну российской рабочей силы), является причиной утраты промышленного превосходства некогда самыми промышленно передовыми капиталистическими странами. 100 лет назад этот процесс происходил с Англией, сегодня он происходит с США. Потеря экономического преобладания старым гегемоном, появление новых центров силы неминуемо порождает борьбу за передел мира соответственно новому соотношению сил, борьбу, принимающую форму мировой войны.

Утратив передовые промышленные позиции, ведущая капиталистическая страна пытается сохранить свое лидерство за счет приобретенных ею в лучшую пору финансовых позиций. Соединенные Штаты пытаются покрывать дефицит своего платежного баланса (вызванное падением промышленной мощи превышение импорта над экспортом) за счет иностранных займов и роли доллара как мировых денег. На долю доллара приходится сейчас 85% мировых транзакций (там же, с. 266). Но раздувание доллара в его роли мировых денег привело к падению его реальной обеспеченности до 5% (там же, с. 13).

Превышение импорта над экспортом поставило США в зависимость от импорта капитала. В 1998г. дефицит текущего платежного баланса США – 2,5% ВВП, в 1999г.- 2,7%, в 2000г. – 4,3% (там же, с. 72).

Экономический подъем 1990-х годов в США был ростом в долг. Суммарная кредитная задолженность всех секторов американской экономики достигла почти 31 трлн. долл. – почти в 4 раза выше ВВП.

Казалось, что рост информационных технологий, т.н. «новой экономики» станет мотором для всей экономики и позволит справиться с неравновесием и перекосами в ней. Однако и этот рост имел спекулятивный характер, в значительной мере был ростом всего лишь рыночной стоимости акций информационных компаний. Так, биржевой курс компании «Yahoo» превышал ее ежегодный доход в 1200 раз, что позволяло вернуть вложенные деньги только через ...1200 лет!

Весной 2000 г. раздувшийся пузырь акций «новой экономики» прорвался, они стали оседать до реальной стоимости. Вслед за этим кризис стал перекидываться и на реальную экономику. Начался спад, который грозил приобрести глобальный и катастрофический характер. «Неуклонное снижение рентабельности «старой», реальной экономики, и, прежде всего, промышленности, а также последствия этого снижения, являются главным пусковым механизмом будущего глобального экономического кризиса». (О. Григорьев, М. Хазин. Сценарий крушения доллара в ближайшей перспективе. / Там же, с.40). «Как никогда за последние полстолетия, мир близок к глобальному кризису, сопоставимому с Великой депрессией». (А. Кобяков. Современные

рынки капитала как глобальная угроза. / Там же, с.123) «...мировая экономика стоит на грани затяжного кризиса с признаками серьезного системного коллапса» (О. А. Арин. 21 век: мир без России. М., 2001, с.337).

Классическое средство, позволяющее капитализму выйти из кризиса, предотвратить или ослабить его – это война или подготовка к войне. Как известно, за Великой депрессией 1929г. в США последовала стагнация 1933 – 1937 гг., когда уровень 1929 г. не был по-настоящему превзойден, затем новый кризис 1937 – 1938 гг., и лишь развернувшаяся в Европе война создала рынок для военного производства в США и вызвала бурный рост американской экономики. «Начавшийся в американской экономике процесс рецессии требует инвестирования в новые, дорогостоящие технологии, порядок расходов на которые был бы сопоставим с общенациональным доходом. Это необходимо для раскручивания товаро–денежного оборота, иначе доллар начнет падать, а качество жизни снижаться.

Такими технологиями для США могут быть только технологии супервооружения, финансируемые из государственного бюджета». (Г. Ванин. Страны – изгои. / «Стрингер», №9 (16), сентябрь 2001 г.).

На выборах 2000 г. победили республиканцы, выдвинувшие программу ПРО, которая будет означать “ускорение технологического прогресса за счет эффективных усилий государства”, что “позволит переломить складывающуюся негативную тенденцию и спасти США от длительного падения фондового рынка в 2001г. и глубокого кризиса в 2002г.” (М. Делягин. Глобальная неустойчивость (В защиту США). / Распад мировой долларовой системы, с. 95)

Но грандиозная программа военного перевооружения требует врага, против которого оружие должно быть направлено. Но Россия *уже* не хочет и не может быть таким врагом, а Европа, Китай или инопланетяне *еще* не хотят и не могут. Кроме того, реальный враг имеет тот недостаток, что способен дать сдачу, и иногда очень больно. Поэтому не лучше ли, пока не появился враг реальный, создать врага мнимого, безвредного врага под грозным именем «Мировой терроризм», врага, удобного тем, что борьба с ним, как и драка с боксерской грушей, может вестись сколько угодно и где угодно, то приостанавливаясь, то возобновляясь, что под видом этого врага можно бить, кого душа и кулак пожелают, и при всем при том сочетать спокойствие праведника с самодовольствием спасителя мировой цивилизации.

Как придется «спасать мировую цивилизацию» и что после этого от нее останется, что предстоит человечеству в случае сохранения власти капитала, с наслаждением поведала не очень известная, зато весьма цельная и последовательная газета русского империализма, «Спецназ России», издаваемая Ассоциацией ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». « «Война 21века» может стать «столетней войной», которая в силу неопределенности целей, врагов, условий победы и поражения будет продолжаться бесконечно долго и не иметь при этом определенного театра военных действий. В такой войне **стратегической целью является само продолжение войны** (а говорят, что Дж. Оруэлл писал только о сталинизме! – М. И.), **а отдельные военные операции – средством достижения текущих политических целей, которые в ходе военных действий могут меняться на прямо противоположные** (курсив автора)...необходимо будет общаться с бандитами на их языке. На практике это означает **конец «прав человека» в их привычном понимании. Осуществлять борьбу против террора без обысков, прослушиваний телефонов, слежки, подставных организаций и провокационных действий, широкомасштабной**

дезинформации (в т.ч. и через СМИ) – будет нельзя. Мало того – эффективная борьба будет невозможна без таких действий, как убийства без суда и следствия прямо на улице, как взятие родственников в заложники... (наш курсив – М. И.)» (Е. Холмогоров. Война 21 века / «Спецназ России», №9 (60), сентябрь 2001) Bravo, граждане гэбэшники, bravo! Кто лучше вас описал бы грядущую олигархию Железной пяты?

Только напрасно вы считаете, что победа ее – неизбежный факт. «Обыватель не захочет платить личным риском за личную свободу...с каждым следующим актом Большого Трора будет расти доля личного комфорта, которым готовы будут поступиться люди». (А. Асриян. Конец либерализма. Начало истории. / Там же). Обыватель, может быть, и захочет променять свободу на безопасность (а кто, впрочем, его, спрашивает?), и получит защиту и безопасность - какие есть у свиньи в стойле, которую хозяин защищает, пока не зарежет. Эта «защита» и «безопасность» просуществует ровно до того мига, пока хозяевам обывателя, в силу каких-то политических расчетов, от него потребуются не жизнь, а смерть – на очередной войне либо в очередной акции организованного этими хозяевами Большого Трора, призванного запугать следующую порцию обывателей.

Но кроме обывателей гэбэшных вотчин и кроме граждан буржуазных демократий существуют пролетарии капиталистического общества. И с ними все обстоит иначе.

«Вам не уйти от нашего суда! Это верно, что рабочий люд с незапамятных времен копошится в грязи, - как верно и то, что он так и будет копошиться в грязи, пока вы, и те, кто с вами, и те, кто будет после вас, стоите у власти. Решать между нами будет сила, как и всегда она решала. Это – война классов. Но как ваш класс низверг старую феодальную знать, так и мы, рабочий класс, низвергнем ваше господство. Через год, через десять, пусть через тысячу лет ваш класс будет низвергнут. Мы добьемся этого силой, силой проложим себе дорогу к власти. Мы, рабочее воинство, хорошо затвердили себе это слово, и оно звучит во всем нашем существе. Власть! Это великое слово.

В грохоте снарядов, в визге картечи, в стрекоте пулеметов вы услышите наш ответ!». (Джек Лондон. Железная пята).

Но вернемся к американскому империализму.

Кроме всего вышесказанного, надлежит помнить о росте изоляционистских настроений как среди некоторой части американских верхов, так и немалой части американских низов (см. А. И. Уткин. Американская стратегия для 21 века. М., 2000, сс. 32-37), о нежелании платить долларами и кровью за глобальные претензии. Уже в 1990 г. политолог Джон Чэнселлор писал: «Стране нужен Перл–Харбор мирного времени, чтобы ее встряхнуть, заставить американцев осознать ту опасную ситуацию, в которой они находятся, зарядить их энергией и желанием работать». (Цит. по: П. Кеннеди. Вступая в 21 век. М., 1997, сс. 365 – 366.) Очень может быть, что Чэнселлор мечтал не совсем о том, что произошло 11 сентября, но при капитализме людские мечты если и сбываются, то совсем не так, как хотелось бы мечтателям.

Сравнение 11 сентября с налетом японской авиации на базу американского ВМФ в Перл–Харборе, после чего США вступили во Вторую Империалистическую войну – очень точное сравнение. Помимо того, что, блокировав импорт нефти в Японию, лишенную своих запасов энергии, американское правительство поставило ее перед выбором - умирать или воевать, Рузвельт и высшее американское руководство, благодаря работе

дешифровальной службы, прекрасно знали о готовящемся налете. Никаких предохранительных мер они не приняли, ибо такой налет позволял сломить преобладавшие в США изоляционистские настроения и втянуть страну в мировую империалистическую войну. Ни этот «подвиг» Ф. Д. Рузвельта, ни ему аналогичные (например, отказ от предложения гестапо обменять 1 млн евреев на 10 тыс. грузовиков: «Зачем мне миллион евреев? Что, у нас в Штатах своих безработных мало?»), не помешали включить его как в СССРовские, так и в американские святцы в качестве великого «гуманиста» и «демократа».

Нужно ли подробно говорить о других выгодах от «маленькой», хотя и бесконечной, «победоносной» войны? Это и возможность списать на теракты вызванные экономическим спадом массовые сокращения рабочих мест, и патриотический шантаж пролетариев, во имя общенационального дела обязанных работать больше и получать меньше. Это и возможность закрутить гайки, резко свернуть все права и свободы, многократно усилить репрессии как против рабочих–мигрантов, так и против революционеров. Это и возможность еще раз продемонстрировать, кто в мире хозяин, побить врагов на страх друзьям. Это и установление военного присутствия в Средней и Центральной Азии, что означает доступ к прямому контролю за нефте- и газоресурсами Каспия и окружение с запада в будущем опасного Китая. Это и превращение сомнительным путем попавшего в президентское кресло субъекта с самым низким из всех сидевших на этом кресле уровнем интеллекта в национального вождя и спасителя. И т. д. и т. п.

Теперь нужно рассмотреть роль российского империализма в происходящих событиях. Главный враг – в собственной стране, и те политические организации в России, кто долго и много кричит против американского империализма, но не ведет бескомпромиссную борьбу против российского империализма, являются всего лишь презренными холуями последнего.

Уж сколько раз твердили миру, что Россия – не Запад и не входит в «золотой миллиард»! Либералы делали это с горечью за русскую нецивилизованность (как известно, цивилизованный человек – это тот, кто ест ближнего своего исключительно с помощью ножа и вилки), национал–патриоты – с обидой, что Россия попала в число не пожирателей, а пожираемых, и является «колониальной», «зависимой», «оккупированной» страной. Но напрасны были вздыхания их, и снизошел господь к их молитвам. Реакция «России» (=русского империализма) на события 11 сентября убедительнейшим образом показала, что Россия – не просто цивилизованная, но даже самая цивилизованная страна, т.к. начала крестовый поход за цивилизацию и... нефтепроводы намного раньше, чем США – начала в Чечне; что принадлежит она не к пожираемым, но к пожирателям, и что российский империализм, ослабев и потерпев ряд поражений, остался империализмом, как промотавшийся помещик оставался помещиком и не становился крепостным. Более того, в последние годы российский империализм оправляется от последствий поражения и кризиса и переходит к активной экспансии на территории СНГ (Украина, Средняя Азия, не говоря уже о Беларуси), а российские монополии переходят к активной экспансии на мировом рынке.

«Но покорность по отношению к США? Но американские военные базы в Средней Азии?», - воскликнут национал–патриоты и псевдокоммунисты.

Однако кажущаяся покорность по отношению к США происходит не из пассивного подчинения раба, а из преследования русским империализмом своих собственных интересов. Русский империализм – слабый империализм. Он не

может, а потому не хочет бросать вызов американскому, а надеется выторговать у последнего для себя сферу влияния и не без оснований считает, что это у него получится. Современная Россия отброшена до уровня царской России, хищного, захватнического и давящего инородцев империалистического государства, зависящего, однако, от парижской биржи и иностранных займов, а потому водимого, аки пес, на более или менее длинной цепи Антантой. Единственная разница – невыгодная для современного российского пролетариата – состоит в том, что в царской России на французские деньги происходил достаточно быстрый экономический рост, в связи с чем росла сила, организованность и решительность пролетариата, а в современной России, из-за упадочного характера всего мирового капитализма, такой рост едва ли возможен.

В 1999г. ВВП США – 8351 млрд дол., ВВП России – 333 млрд дол. (О. А. Арин. 21 век: мир без России. М., 2001, с.259). На долю стран – членов НАТО приходится 45% мирового ВВП, на долю России – 2,4% . В армиях членов НАТО – 6,3 млн чел., в русской армии – 1,5 млн. (А. И. Уткин. Мировой порядок 21 века. М., 2001, с.368). Очевидно, что при таком реальном соотношении сил о соперничестве против США всерьез думать не приходится. Романтические мечты Примакова об оси Москва – Пекин – Дели (невозможной как из-за слабости по сравнению с США даже их всех вместе взятых, так и из-за реального конфликта Индии с Китаем и потенциального конфликта Китая с Россией из-за Дальнего Востока) сменились прозаическими расчетами на партнерство с США – во всяком случае, до лучших времен. Так в Германии 20-х годов «пассивное сопротивление» 1923 г. против Антанты сменилось курсом на компромисс с Антантой, героем немецкой буржуазии вместо боевика Шлягетера стал дипломат Штреземан. Чем это кончилось в 1930-1940-е годы – известно всем.

Сколько-нибудь серьезные аналитики российской буржуазии прекрасно понимают необходимость передышки. Так, директор Института проблем глобализации М. Делягин пишет: «Пока наша система госуправления балансирует на грани невменяемости, мы не можем использовать плоды глобальной дестабилизации и должны стремиться к сохранению статус-кво. Наши обиды на США и жажда реванша не должны затмевать то, что, пока мы не создали эффективной системы управления, самая плохая стабильность лучше самого хорошего хаоса. Ведь Россия сильно зависит от состояния США: насморк на их фондовом рынке означает для нашего грипп, а кризис их экономики станет для России подлинной катастрофой». (Распад мировой долларовой системы, сс. 97 – 98)

Группа сотрудников ИМЭМО в коллективной работе «Россия и вызовы на рубеже веков» пишет, что в интересах России «*определенная консервация нынешней однополюсности (полутораполюсности)*» (курсив авторов – М. И.) с закреплением ролей и ролевых функций США и Западной Европы как безусловных гарантов (при всех, разумеется, издержках) относительной глобальной стабильности на время переходного периода (надо полагать, пока русский империализм не восстановит силы. – М. И.). Альтернатива которой, к сведению ярых антизападников, - тотальная дестабилизация и дальнейшее «сокращение» России по размерам, весу в международных делах, при росте сепаратизма и т.п.» А пока США и Западная Европа «обеспечивают стабильность», авторы предлагают использовать эту передышку для формирования своего «геополитического полюса». (цит. по О.А. Арин. 21 век: мир без России, с. 170)

Но возможно ли вообще партнерство, союз американского и русского империализмов?

А почему нет?

Гадать о точной конфигурации сторон в грядущей Третьей Империалистической Войне, когда точное соотношение сил, направленность интересов и пределы компромиссов еще не установились – бесполезное дело. Но нужно помнить, что мирская, реальная история подтверждает не оккультные геополитические бредни об извечной вражде «континента» и «острова», а известную еще московским дьякам Посольского приказа истину «дружи не с соседом, а через соседа».

У «России» и «США» (т.е. у соответствующих империализмов) нет непосредственных спорных вопросов – в отличие от «России» и «Европы» или «Китая». Нет при том условии, если русский империализм откажется от глобальных претензий и удовольствуется ролью регионального жандарма, евразийского Шакала Лизоблюда Табаки при мировом Тигре Шер-Хане. А что ему по реальному соотношению экономической силы остается делать? А это реальное соотношение силы может измениться лишь при условии бурного и длительного, на десятилетия, промышленного подъема в России, вероятность чего чрезвычайно мала.

Русским национал-патриотам, видящим в навязчивом бреде, как Соединенные Штаты разваливают Россию на 666 кусков, и считающим Бжезинского единственным человеком, определяющим политику США, можно напомнить слова помощника президента США по национальной безопасности К. Райс: «Во-первых, должно быть осознано, что **американской безопасности меньше угрожает сильная Россия, чем слабая и непоследовательная**» (курсив наш – М. И.) (цит. по: О. А. Арин, цит. соч., с.91), - или слова из ежегодного доклада министра обороны США президенту и конгрессу (за 2000г.): «Если российская система не сможет стабилизироваться в течении длительного времени, **дезинтеграция России как единого государства может стать главным вызовом в деле безопасности для Соединенных Штатов и мирового сообщества**» (курсив наш – М. И.) (там же, с.101).

Причины понятны. Региональный жандарм, поддерживающий нужный для капиталистической эксплуатации порядок на 1/6 Земного шара, обойдется куда дешевле, чем дорогие, тяжелые и кровавые хлопоты по поддержанию здесь порядка собственными силами, по удержанию президента Чувашии от использования ядерного оружия в войне с президентом Мари-Эл из-за приграничной рощи. А то, что региональный жандарм не будет слишком зарываться, гарантируется его экономической слабостью куда надежнее, чем даже спецслужбовскими интригами.

Пока что российский империализм, допустив своего американского собрата к военным базам в Средней Азии, получил взамен полную свободу рук в Чечне. Как будут развиваться их отношения дальше, что, сколько и где сумеет урвать каждый из них, что кому достанется при дележе добычи, кто кого перехитрит – все это предстоит внимательно изучать. Уже известный нам «Спецназ России», отметив, что «главным внешнеполитическим достижением Путина, помимо возвращения России уверенности и внешнеполитического престижа, можно считать переоткрытие Америки как внешнеполитического партнера России», так описывает взаимоотношения «партнеров» – двух бандитов, нуждающихся друг в друге для совместного грабежа и до безумия страшящихся, что при первом удобном случае коллега стащит всю добычу, а заодно и всадит нож в спину: «

«Впустив» американцев в Таджикистан и Узбекистан, Путин тут же отыгрался в Афганистане. Возможность для американцев закрепиться в Средней Азии весьма сомнительная, хотя бы из-за того, что транспортный коридор туда, на сегодняшний день, существует только через Россию. А... Россия сделает все, чтобы Альянс закрепился хотя бы на севере, что отнимает у США возможность наложить лапу на регион. Так что «обмен», пока что, выглядит, мягко говоря, неэквивалентным и для американцев невыгодным – Россия играет на своем поле и играет уверенно. Они играют на чужом и если и добиваются своего, то только за счет огромного материального превосходства». (Е. Холмогоров. Игра на своем поле. / «Спецназ России», №11(62), ноябрь 2001).

И действительно, попытки США помешать занятию Кабула войсками Северного Альянса и сформировать правительство из «умеренных талибов» провалились. Тесно связанные с русским империализмом альянсисты взяли Кабул, и в нем сразу появились самолеты с русской «гуманитарной помощью», а российское посольство первым возобновило свою деятельность в Кабуле. Предав буржуазных радикалов из НДПА, русский империализм возвращается в Афганистан как покровитель гангстеров – предпринимателей из Северного Альянса, тютелька в тютельку похожих на чеченских «полевых командиров». Саудовской Аравии поддерживать Басаева нельзя, зато «нам» поддерживать Масуда нужно. «Наши ихнего съели – это вопрос гастрономический, а вот ихние нашего сожрали – это вопрос моральный».

Есть и другая причина для ввязывания русского империализма в новую афганскую войну. Она подобна одной из причин чеченской войны.

Расходы на чеченскую войну намного превышают все возможные выгоды от удержания ее в составе России. Роль ближневосточных и закавказских рынков, перевалочным пунктом к которым может служить Чечня, в общей торговле России весьма мала (в 1999г. доля ближневосточных стран в русском экспорте – 3,5%, в импорте –1%, закавказских стран – 0,3 и 0,4%) (О. А. Арин, цит. соч., с.335). Ни о каких нефтепроводах через Чечню в условиях непрерывной войны не может быть и речи. Гораздо дешевле было бы проводить их через мирную «независимую», а на самом деле вассальную Чечню.

Чечня нужна как «постоянное гнездо недовольства и крамолы, которые приходилось бы усмирять и подавлять. Этим «усмирением недовольных окраин» всегда поддерживается патриотизм и реакционная политика, разные «военные» и другие исключительные положения, которые содействуют развитию полицейского аппарата» (сказанные в 1914 г. по поводу другой «недовольной окраины» и совершенно точно описывающие ситуацию слова старого русского марксиста А. Богданова. См.: Неизвестный Богданов, книга 3. М., 1995, с.184). Именно в Чечне проходят школу патриотизма и шовинизма служащие там солдаты, именно в Чечне спецназовские каратели обучаются подавлять грядущие рабочие восстания, именно жупелом внешнего врага буржуи хотят убедить рабочих забыть о своем подлинном, классовом враге – самой буржуазии.

Обратимся еще раз к «Спецназу России». «...для участия в этой войне от нас потребуется колоссальное напряжение сил, сплочение нации в единый организм, способный противостоять любой внешней угрозе. Любые ценности и пристрастия – идеологические, партийные, классовые, могут и должны быть оставлены в сторону до лучших времен... Поэтому столь уместной представляется сейчас консолидация властью политического поля – слияние партий, отказ от предвыборной борьбы и установление спокойного и продуманного политического порядка, который исключал бы любые

политические революции.» (Е. Малышев. По законам военного времени. / «Спецназ России», №11(62), ноябрь 2001 г.)

Читай, рабочий. Читай и думай над классовой ложью классового врага. Во имя войны, ради убийства ничего тебе не сделавших людей в Чечне и в Афганистане, у тебя возьмут рубли из зарплаты и сына из семьи. Во имя «сплочения нации» ты должен отказаться от своего классового интереса, от своей святой классовой ненависти против выжимающей из тебя все соки своры паразитов. Ради «консолидации власти» ты должен отказаться от своей единственной надежды – от революции, в которой, и только в которой, ты сбросишь всю гнетущую тебя эксплуататорскую пирамиду – от директора до олигарха и от мента до президента.

Так не будет этого! Как пелось в старой песне:

Пока Доном Дон зовется,

Волга в море льется

Дотоль сердце мужицкое

С барским не сольется.

Никакой войны, кроме классовой!

Мир кишлакам и аулам, война дворцам!

Смерть империализму – смерть капитализму!

Да здравствует всемирная пролетарская революция!

Февраль 2002 г.

Аргентинский февраль.

Развитие противоречий современной буржуазной цивилизации, основанной на эксплуатации наемного труда капиталом, достигло такой остроты, созданные этой цивилизацией технические и общественные силы стали до такой степени могущественными и неконтролируемыми, что либо эти силы и противоречия приведут к гибели всей хваленной цивилизации, которая потянет с собой на дно и человечество, либо класс пролетариев, лишенных собственности и власти рядовых наемных работников, во всемирном восстании свергнет буржуазную цивилизацию и откроет новый, подлинно человеческий этап истории человечества. Варварство или социализм – ничто промежуточное между ними невозможно.

Характер наступившего 21 века, века последнего боя, в котором пролетариату предстоит спасти будущее и прошлое рода людского, отчетливо виден по главным событиям его первого года. С одной стороны, бомбежка Нью-Йорка и бомбежки Афганистана, «война терроризму», провозглашенная главными террористами планеты - империалистическими державами, с другой – революция (или пока еще «полуреволюция») в Аргентине, дальнейшее развитие которой будет означать, что если 20 век начался 9 января 1905 года, то 21 век – 19 декабря 2001 года.

Гораздо интереснее и плодотворнее, чем детально описывать причины и ход аргентинского взрыва, будет попытаться проанализировать проявившиеся в нем тенденции пролетарской борьбы 21 века.

Прежде всего, это первый революционный взрыв, произошедший в стране с подлинно демократическим буржуазным режимом, первое восстание против буржуазной демократии.

Буржуазная демократия – это вовсе не власть «народа», т.е. конгломерата капиталистов, мелкой буржуазии и пролетариев, как думали героические и наивные борцы за нее в эпоху великих буржуазных революций 17 – 18 веков, не соблюдение «прав человека», как утверждают современные проповедники либерализма, и даже не наличие внутри капиталистической системы известных прав и свобод для рабочего класса, которые могут быть им использованы в борьбе за социализм, как говорят троцкисты. Буржуазная демократия – это политический режим интеграции пролетариата в капиталистическую систему, подчинения его власти буржуазии посредством таких приводных ремней этой власти, как профсоюзы и реформистские партии.

Все революции прошлого, в которых пролетариат играл ведущую либо значительную роль, происходили против абсолютистских, полуабсолютистских или олигархических режимов. И введение всеобщего избирательного права, и развитие рабочих партий и профсоюзов, преисполнявшие некогда ужасом буржуазию, вместо того, чтобы подорвать ее власть, чрезвычайно укрепило и

упрочило ее. И всеобщее избирательное право, и всевозможные права и свободы, и реформистские партии, и профсоюзы стали средством не свержения капитализма, а его сохранения. Буржуазная демократия оказалась куда более гибкой, но и куда более прочной цепью, надетой на пролетариат, чем такие примитивно–топорные формы власти буржуазии, как царское самодержавие или аристократо–банкирская цензовая монархия во Франции 1-й половины 19 века.

Какова была типичная схема начала революции в 19 веке? Экономический или политический кризис толкал низы на улицу, начинались массовые демонстрации. Не зная, как справиться с ними, правительство приказывало армии и полиции подавить их штыком и пулей. Беспощадные репрессии иногда увенчивались успехом, иногда же наталкивались на яростный отпор, перераставший в вооруженное восстание, которое иногда подавлялось, но иногда свергало старое правительство.

В 20 веке, веке фордизма, массовых партий и профсоюзов все было иначе. Организованные партиями и профсоюзами массы стройными рядами, чинно и смиренно, не нарушая общественного спокойствия, выходили на митинг или демонстрацию. Заслушав там прочитанную парт – или профбоссом резолюцию, они дружно голосовали за нее, после чего расходились по домам, доверив парт – и профбоссу заключение сделок с гневно осуждаемым капиталом. Полиция и армия стояла рядом и, держа на всякий случай автомат, благодушно улыбалась. Такой способ осуществления своей диктатуры был для буржуазии куда более дешевым и куда менее рискованным, чем грубое и честное насилие 19 века.

21 век обещает быть куда более подобным 19-му веку, чем веку 20-му. Начало аргентинской революции оказалось весьма и весьма похожим на Февральскую революцию 1848 г. во Франции или на Февральскую революцию 1917 г. в России.

Почему так? Политика буржуазных правительств всего мира за последние 20 лет оставила от классической буржуазной демократии только пустую оболочку, лишенную реального содержания. Отказ от уступок пролетариату, откровенное (в отличие от предшествующего стыдливого) превращение реформистских партий и профсоюзов в не скрывающих этого холуев буржуазии, падение их силы, численности и влияния на пролетариат привели к тому, что последний продолжал терпеть буржуазный строй и не восставать против него все больше и больше не из-за веры в этот строй и не из-за иллюзий в буржуазной демократии, но из-за обыкновенных пассивности и страха. Пока рабочие не борются, они могут голосовать за буржуазные партии и состоять в профсоюзах, но лишь только наступает реальная борьба, пролетарии ведут ее независимо от этих прислужников буржуазии.

Упадок и убожество буржуазной демократии очевидны на примере Аргентины. Буржуазная демократия восстановлена там в 1983 г. – в результате не революционного восстания, но капитуляции военной хунты, провалившейся в авантюрно затеянной войне из-за Фолклендских островов. 1983 – 1989 гг. – президентство радикала Альфонсина. В начале 20 века радикалы были прогрессивной партией городской средней и мелкой буржуазии, пытавшейся обуздать скотоводческих баронов. В 1980–е годы радикалы оставляют полностью безнаказанными военных палачей и истязателей, уничтоживших при хунте десятки тысяч людей.

1989 – 1999 годы – президентство перониста Менема. Полковник Перон был военным диктатором Аргентины в 1946 – 1955 гг. Сломал классовое рабочее движение (в первую очередь – анархистскую федерацию ФОРА), он осуществил

интеграцию профсоюзов в буржуазное государство, провел некоторые государственно–капиталистические меры, дал контролируемым профсоюзами рабочим ряд льгот и гарантий. Перонизм много десятилетий властвовал над рабочим движением Аргентины, его отличали национализм и антиамериканизм, выдаваемый за антиимпериализм. В президентство патриота и националиста Менема иностранному капиталу стало принадлежать 90% аргентинской банковской системы и 40% промышленности, произошла массовая приватизация. 40% аргентинских детей систематически голодает, 20% самых богатых аргентинцев принадлежит 55,2% национального дохода, 20% самых бедных – 3,8% (даже в России разрыв меньше – 47,4 и 6,2%)

В 1999 г. президентом становится Де ла Руа, кандидат коалиции радикалов и ФРЕПАСО (откол от перонистов). Политика сокращения зарплат и пенсий, роста роскоши богатых и голода голодных продолжается.

Не случайно крайнее разочарование вышедших на улицы людей в партиях буржуазной демократии, отношение к которым выражается в следующем лозунге: «Долой радикалов и перонистов! Без них дело пойдет лучше».

Другой вывод, который следует сделать, это контрреволюционная роль всех проявлений т.н. «организованного рабочего движения», которые не только не стремились расширить, углубить и привести к победе восстание, в котором даже и не участвовали, но, напротив, всячески пытались сдержать его и обезвредить. От разных крыльев контролируемой перонистами Всеобщей конфедерации труда (CGT) никто ничего другого и не ожидал, лидер ее «более радикального» крыла и руководитель профсоюза транспортников Мойано сказал 26 декабря недолговечному президенту Саа: *«Господин президент, рабочее движение – к вашим услугам»*. Но переговоры с Саа вели и оппозиционный Центр аргентинских трудящихся (СТА), и т.н. Борющееся классовое течение (ССС), и Ассамблея пикетчиков (одна из часто используемых в Аргентине в последние годы форм классовой борьбы – перекрытие дорог. Организацией ее участников и является Ассамблея пикетчиков), и даже «Матери Майской площади» (Организация матерей тех, кто был уничтожен или пропал без вести, требующая возмездия палачам и истязателям).

Это свидетельствует о том, что в современную эпоху все сколько–нибудь массовые рабочие организации прочно и надежно интегрируются в буржуазную систему и потому перестают быть рабочими. Единственные формы классовой пролетарской организации сегодня, с одной стороны, возникающие в моменты взрыва классовой борьбы общие рабочие собрания вместе с исполняющими их волю стачками и советами, с другой стороны, революционная пролетарская партия.

Следующая характерная особенность аргентинских событий – уличный, а не заводской характер. Этим они отличаются, например, от рабочего восстания в аргентинском городе Кордоба. Причина такого отличия – почти полная занятость 30 лет назад и массовая безработица сегодня. Вместо заводов повстанцы захватывали супермаркеты (пусть буржуазные фарисеи возмущаются грабежами! Аргентинские пролетарии и полупролетарии, как и санкюлоты Великой Французской революции, право на жизнь поставили выше права собственности); индустриальные действия, борьба на заводах, если и были, далеко уступали по своему значению уличным.

Никто не будет отрицать необходимость и значение захвата заводов, прямой схватки с мастерами, директорами и капиталистами. Но из-за того, что все это еще не имело (или недостаточно имело) место в развивающейся аргентинской

революции (пока еще – полуреволюции), напрасно было бы отрицать ее пролетарский характер.

Пролетарская революция означает не захват рабочими власти на заводах (его тоже – но лишь как подчиненную часть всего дела), но захват власти пролетариатом во всем обществе, не рабочее самоуправление в рамках капитализма, но уничтожение капитализма. Коммунизм – не самоуправление производственных единиц, но уничтожение автономных производственных единиц как ячеек общества, ставшего единым коллективом. Организация по производственному принципу, ограниченная пределами данного предприятия, не распространяющаяся на общество в целом, не объединяет пролетариат как класс, а разъединяет его на множество конкурирующих категорий.

В эпоху старых революций 18 – начала 20 века, происходивших в обществах с не разрушенными еще общинными традициями, объединение пролетариев и полупролетариев происходило не по предприятиям, а по кварталам и районам (в России 1905 и 1917 гг. районы и предприятия в значительной мере перекрывали друг друга), обитатели которых хорошо знали друг друга и способны были действовать вместе, независимо от того, кто кожевник, кто плотник, кто бочар (все французские революции 1789 – 1871 гг.). Судя по ряду признаков, пережитки таких общинных традиций сохраняются и в современной Аргентине, что *при наличии других необходимых условий* облегчит победу революции. Наконец, нужно вспомнить, что Российская революция началась с голодных волнений в феврале 1917 г. в Петрограде и что на протяжении всего этого года стачечное движение играло только подчиненную роль.

То, что до сих пор произошло в Аргентине – это Февральская революция. Пролетариат действует пока лишь как часть всей обездоленной властью капитала массы, куда входят и мелкая буржуазия, и люмпен-пролетарии. Теми, кто штурмовал супермаркеты, дрался с полицией, свергал президентов Де ла Руа и Саа, двигало не классовое сознание, а куда более могущественные нищета и нужда, ненависть и усталость гнуть спину, «черная злоба, святая злоба» против буржуазного строя. Они вступили в борьбу, проникнутые множеством иллюзий, предрассудков и прочих нехороших свойств, воспитанных этим строем, но в то же время проникнутые великим чувством отказа быть рабом, проникнутые великой ненавистью против проклятой капиталистической системы. Нелепо было бы надеяться, что революция с самого начала будет иметь стерильно-чистый пролетарский характер, недостойно революционера было бы с высокомерным презрением отворачиваться от ребят, дравшихся с полицией, обернувшись в национальные флаги. Как писала Интернациональная Коммунистическая Партия в 1956 г. по поводу венгерского восстания, одно дело, когда с демократическими иллюзиями участвуют в выборах, совсем другое – когда с ними умирают на баррикадах.

Но еще более недостойно революционера приспособливаться, подлаживаться к таким иллюзиям, и уж тем более - искренне разделять их.

Станет ли аргентинская «полуреволюция» настоящей революцией, кончится ли аргентинский Февраль Октябрем 1917 г. или июнем 1848 г., зависит от субъективного фактора. Стихийной самодеятельности масс недостаточно; без сплоченного объединения самых смелых, активных и проницательных пролетарских борцов, способных как раньше своих товарищей увидеть и общие цели борьбы, и подстерегающие опасности, так и энергично и непреклонно стремиться к этим целям, увлекая за собой весь класс, - без такого объединения победа пролетариата невозможна. История показывала это множество раз, в

последние годы – в Албании, Индонезии и Эквадоре. Во всех этих случаях стихийные взрывы массовой борьбы без революционной партии были канализованы, разделены, удержаны под контролем буржуазией. Без революционной партии, без революционной политической линии то же случится и с аргентинской революцией.

В отличие от Албании или Индонезии, в Аргентине есть организации, считающие себя марксистскими, интернационалистскими, революционными. Это троцкистские организации. Но политика во всяком случае большинства из них внушает самые серьезные опасения за будущее аргентинской революции и еще раз подтверждает, что троцкизм в подавляющем большинстве своем перестал быть революционным течением, стал левой разновидностью сталинизма.

Наиболее крупными троцкистскими организациями Аргентины являются Движение к социализму (MAS), Социалистическое движение трудящихся (MST), Рабочая партия (РО), Партия трудящихся за социализм (PTS). Во всяком случае 3 последние в качестве центрального политического лозунга выдвигают «свободное и суверенное» «народное» ... **Учредительное собрание!!!** Ленин, если бы, воскреснув, услышал такое, тотчас бы умер снова!

Главные, основные, принципиальные политические лозунги создаются не на основе хитроумных комбинаций и приспособлений, но на основе научной и политической оценки всей исторической ситуации. Лозунг Учредительного собрания – это лозунг радикальной, последовательной, доведенной до конца **буржуазной революции**. Из-за каких-то хитроумных соображений выдвигать его в эпоху, когда задачи буржуазной революции давным-давно ушли в прошлое, когда будет либо социалистическая революция, либо никакой революции – означает не просвещать, а затемнять сознание пролетариев, не освобождать пролетарское классовое движение из-под влияния «общенационального» и общедемократического болота, а топить его в этом болоте. «Свободное и суверенное» Учредительное собрание! У кого вы учились, граждане троцкисты – у Ленина и Троцкого или у меньшевиков и правых эсеров?! Лидер Рабочей партии Хорхе Альтамира призывает к объединению «мелкой буржуазии с трудящимися в общей борьбе против крупного капитала» (*Prensa obrera, N734*). Если это политика Ленина и Троцкого, то что же тогда политика народных фронтов?

В разных кварталах и районах Аргентины возникают сейчас «народные ассамблеи» – органы прямой демократии по типу советов. Несмотря на не вполне хорошее название («народные!»), - кого, впрочем, интересует историческое происхождение слов «Коммуна» или «Советы»? – они могут стать сперва органами двоевластия, а затем, после победы пролетарского восстания, органами новой, рабочей власти. Работать в них, содействовать развитию двоевластия, содействовать вычленению пролетариата из общей массы угнетенных, развитию его решительности и сознательности, расширять и радикализировать пролетарскую борьбу, соединять все ее проявления в общий поток, направленный на свержение власти капитала, готовиться к решительным **боям** за диктатуру пролетариата, поставить диктатуру пролетариата в центр всей агитации и пропаганды, увязывать с ней все частичные требования, **умеючи** объяснять рабочим, что вне захвата ими власти, вне диктатуры пролетариата нет и не может быть спасения, ни на минуту не верить ни в снисходительность “мирового сообщества” империалистических бандитов, ни в нейтральность армии и полиции, уметь на силу отвечать силой, устанавливать международные

связи, готовиться к всемирной гражданской войне, в которой именно на **Советскую Аргентину** может выпасть почетная роль первого пролетарского бастиона – таковы задачи пролетарских революционеров Аргентины.

Февраль 2002 г.

Марлен Инсаров

Трагедия Афганистана.

Если есть страна, на примере которой яснее всего можно видеть, что капитализм к концу 20 века изжил себя, утратил свое единственное право на существование – содействие общественному прогрессу и выращивание своего собственного могильщика, класса пролетариев, – то это Афганистан.

На горной и неплодородной земле, расположенной между Ираном, Средней Азией и полуостровом Индостан, значительно медленнее, чем в соседних районах Азии, развиваются государство, эксплуатация и классы. Первое афганское государство – Империя Дуррани – образуется в 1740-е годы. Как и все раннефеодальные государства, она скрепляется не единством национального рынка (он просто отсутствует на этой стадии общественного развития) и уж тем более не единством проживающей здесь нации (что вообще не правило, а исключение), а мечом завоевателя, и потому охватывает земли на юге, населенные пуштунами – основной народностью, из которой происходит правящая династия, и земли на севере, где живут таджики, узбеки и хазарейцы (потомки монголов, шииты, по социальному положению – самая низшая нация–каста современного Афганистана.)

По уровню общественного развития Афганское государство было тождественно Королевству Меровингов во Франции 5-8 веков или Княжеству Рюриковичей на Руси 10 века. Функции центральной власти сводились к сбору и проживанию дани, а местные племена, управляемые и эксплуатируемые своими вождями, сохраняли обособленность и были готовы сбросить налагающую дань центральную власть при первом удобном случае.

Органическое развитие Афганистана к централизации и единству могло продолжаться столетиями, но вмешался внешний толчок. В 19 веке Афганистан два раза пытались захватить англичане как крепость для своей экспансии против экспансии царской России. Они потерпели неудачу, но по установленной в 1893 г. «линии Дюранда» более половины пуштунов оказались вне Афганистана, в вице-королевстве Индия (после раздела Индии в 1947 г. – в Пакистане).

Столкновение с внешним миром и ускорило, и деформировало развитие. Прежде всего, оно вызвало потребность извлечь уроки из иностранного опыта. Когда в России власть взяли большевики, пытавшиеся покончить с Российской Империей, равно как и со всеми прочими империями Земного шара, к власти в Афганистане пришел Аманулла-хан, увлеченный примером основателя Российской Империи – Петра Первого, и пытавшийся стать просвещенным деспотом, создателем национального государства, способного успешно бороться против Английской Империи.

Большевики поддержали Аманулла-хана, да и что еще могли они делать, если хотели делать что-либо вообще в стране кочевых и полукочевых племен.

В 1929 г. Аманулла-хан свергнут в результате восстания, поддержанного англичанами. Это – первый провал буржуазной трансформации сверху. После периода междоусобиц в 1933 г. к власти приходит 19-летний Захир-шах (через 68 лет именно его как «гаранта стабильности и демократии» будут хотеть вновь посадить на трон). При нем модернизация продолжается, однако куда более умеренными темпами и с учетом интересов вождей племен, крупных землевладельцев, мулл, т.е. всего старого правящего класса. Далекий от «некапиталистического пути развития», шах поддерживает вполне дружеские и взаимовыгодные отношения с северным соседом, который помогает ему строить дороги, мосты, больницы, а главное, современную армию – первый атрибут любого национального государства.

Возникают промышленные предприятия, появляется пролетариат. Слабый и малочисленный (перед 1978 г. в Афганистане от 30 до 50 тысяч рабочих), он не играет самостоятельной роли в разворачивающихся событиях. Куда большую роль предстоит сыграть другому новому для Афганистана классу, *государственной мелкой буржуазии*.

Вожди племен и их сыновья идут в офицеры и инженеры не с большей охотой, чем сыновья бояр шли в петровскую армию. Но здесь – единственный шанс вывести своих детей в люди для хоть сколько-нибудь зажиточных крестьян, ремесленников, торговцев. Тем более, что условия жизни в кишлаках остаются средневеково-нищенскими, власть ханов – средневеково-неограниченной, а пословица «Афганистан – страна тиранов» сохраняет полную силу.

Новая городская мелкая буржуазия, не мелкая буржуазия ремесла или базара, а мелкая буржуазия госаппарата, и прежде всего – армии, боится, ненавидит и презирает старый феодальный класс, чья плетка ходила по спинам отцов нынешних офицеров, летчиков и инженеров. Она видит в себе носителя прогресса и национального единства, мечтает уничтожить сотни мелких и крупных царьков и тиранов, заменив их одним-единственным Тираном – Современным Государством, которое уверенно пойдет по пути прогресса и будет централизованно эксплуатировать своих подданных: во имя социализма – говорят одни, во имя неискаженного ислама – возражают другие.

Возникают партии, течения, направления. В 1965 г. создана Народно-Демократическая Партия Афганистана (НДПА), отстаивающая «социалистический путь развития», на самом деле – государственно-капиталистический путь. Вскоре она раскалывается на 2 крыла – умеренное, склонное к компромиссам с властью и состоящее в основном из национальных меньшинств Севера «Парчам» («Знамя») во главе с Б. Кармалем и более радикальное и включающее преимущественно пуштунов «Хальк» («Народ») во главе с Тараки и Амином. За такой же «социалистический путь», но по китайскому образцу выступает Прогрессивная молодежная организация, более известная как «Шоалэ-э-Джавид» («Вечное пламя»). За «неискаженный ислам» ратуют *ихваны (Ikhwanis)*, призывая к возврату времен праведных халифов маскирующие борьбу за совершенно новую для Афганистана реальность: один Аллах на небе, одна власть на земле. Дискуссии между всеми этими течениями очень скоро перерастают в вооруженную борьбу, в 1972 г. лидер *ихванов* Г. Хекматияр собственноручно убивает одного из маоистов. А в кишлаках по-прежнему – вековая тишина.

В 1973 г. Захир-шаха при поддержке парчамистов свергает его двоюродный брат и бывший премьер-министр Дауд. Скоро, из страха перед своими союзниками, он делает попытку переориентироваться с СССР на США и начинает репрессии против НДПА. Но для диктатуры и террора нужна организованная сила, а единственная таковая в Афганистане – армия поддерживает не Дауда, а НДПА.

28 апреля 1978 г. – новый переворот. Дауд убит, к власти приходит НДПА. Неравномерность развития капитализма создала ситуацию, аналогичную взятию власти якобинцами в меровингской Франкии 7 века.

Как при феодализме, так и при капитализме существовали и существуют, переплетаясь и конкурируя друг с другом, две формы эксплуатации: государственная и частная. Доминирование той или другой из них дает государственную или частную разновидность данной эксплуататорской общественной формации: государственный или частный феодализм (типичный образец 1-го – Османская Империя, 2-го – средневековая Франция), государственный или частный капитализм (наиболее яркий представитель 1-го – Советский Союз, 2-го – Англия 19 века). В каждом конкретном обществе существовали, как правило, и государственная, и частная эксплуатация (вопрос в том, что доминировало), и отношения между ними были далеки от идиллических: доля прибавочного труда, присвоенная бюрократическим аппаратом, была потеряна для помещика или частного капиталиста.

Неоякобинская диктатура государственной мелкой буржуазии, победившая в 1978г., хотела превратить Афганистан в современное индустриальное буржуазное государство по образцу СССР, Китая, Кубы и т.п. Для этого требовалось уничтожить старый феодальный класс вождей племен, крупных землевладельцев и мулл, ограничить до минимума частную эксплуатацию, заменив ее государственной, и прибавочный продукт, пожиравшийся местными царьками, направить на нужды первоначального накопления капитала. Именно это и вызвало попытку аграрной реформы, провал которой (крестьянам дают землю, а они ее не берут!) нужно объяснить не идеалистическими рассуждениями о злых кознях ЦРУ и вреде крестьянского невежества, а строго с позиций исторического материализма.

Что отличало буржуазных революционеров Афганистана от их собратьев в Китае, Вьетнаме, на Кубе – это отсутствие связи с крестьянством, что сделало бы возможной крестьянско-плебейскую революцию снизу, а от их собратьев в Египте, Сирии и т.п. – отсутствие в Афганистане развитого и контролирующего общество государственного аппарата, что привело бы к успеху буржуазную модернизацию сверху. Против взбунтовавшегося крестьянского моря они не нашли иной опоры, кроме внешней. А поскольку слабевшая советская госбуржуазия не имела ни сил, ни желания взять модернизацию Афганистана в свои руки (что сделала она в республиках Средней Азии в 20-30-е годы), то буржуазная модернизация в Афганистане была обречена на катастрофу.

Повстанческое движение моджахедов явилось аналогом Вандеи или крестьянской войны на юге Италии в 1799-1800 гг., с дружеской помощью русских и австрийских интервентов свергнувшей Партинопейскую республику городских либералов Неаполя и восстановившей династию Бурбонов. Во всех этих движениях, за их объективной и субъективной реакционностью, скрывалась огромная классовая ненависть крестьян к эксплуатирующему их городу. Но реакционная и контрреволюционная политическая линия означала, что победа

крестьян будет иметь для них еще более катастрофические последствия, чем поражение.

Как и вандейцы с их лозунгом “Смерть буржуа из Конвента” или крестьяне итальянского юга, поддержавшие наследственных *баронов* против городских *выскачков*, афганские крестьяне и кочевники предпочли старых, жестоких и алчных, но привычных и понятных, тиранов своего кишлака или племени новым, пришедшим из города, не менее жестоким, но не вмещавшимся в рамки крестьянского горизонта. Не привыкший ждать от центральной власти ничего, кроме налогов и поборов (именно увеличение налогов ради модернизации привело в свое время к крестьянскому восстанию, свергнувшему Амануллу-хана), афганский крестьянин предпочел старые, известные формы эксплуатации новым, тем более ужасным, что неизведанным.

Объективной причиной такого выбора стал и тот факт, что рента помещикам была установлена в 20-е годы при Амануллу-хане и ее реальные размеры стали минимальны благодаря инфляции, а основными видами эксплуатации, от которых страдало крестьянство, были налоговая и ростовщическая, причем ростовщики были очень тесно связаны с государственным аппаратом. Эксплуатация со стороны государства и ростовщического капитала была больше и мучительнее для крестьянства, чем со стороны мулл и ханов.

Ответом на реформы сверху стали восстания снизу, нараставшие как снежный ком. Очень скоро, почти сразу, их крестьяно–плебейский бунтовской дух будет выхолощен старым правящим классом и его американскими, пакистанскими и пр. союзниками.

Чувствуя, что земля уходит из-под ног, неоякобинский режим НДПА не мог придумать ничего лучшего, кроме усиления террора. Террор бил и по невинному, и по виновному, и по феодалу, и по крестьянину, и по врагам справа, и по врагам слева. К последним (а ими были маоисты) он был еще более беспощаден, чем к первым. Если исламистов – *ихванов* иногда миловали, снисходя к темноте и неграмотности, то маоистов, городских интеллигентов, не имеющих таких смягчающих обстоятельств, уничтожали без всякой пощады.

Очень скоро террор стал и средством внутрипартийной борьбы. Несмотря на объединение “Парчам” и “Хальк” в 1977г., прежние расхождения не исчезли, и сперва халькисты стали истеблять парчамистов, затем халькисты друг друга (за организованным Тараки неудачным покушением на Амина последовал арест и убийство Тараки Амином), за советским вторжением, сопровождавшимся свержением и убийством Амина, последовало массовое истребление халькистов. Советская интервенция знаменовала неизбежность гибели революции, лишенной внутренней опоры.

Советская госбуржуазия не имела реалистических ни военных, ни политических целей в Афганистане. Ее цель была чисто охранительная – помешать победе враждебных сил в Афганистане и тем самым сохранить статус-кво в Средней Азии, тогда как даже из чисто военных соображений (невозможность блокировать афгано–пакистанскую границу и отрезать моджахедов от иностранной помощи) победа была возможна лишь при взрыве всего статус-кво в Азии, при разжигании революции в Пакистане, а затем – во всей Центральной Азии. Но после Первого Конгресса Трудящихся Востока (Баку, 1920г.) прошло 60 заполненных “мирным сосуществованием” лет, и ожидать от советской госбуржуазии этой единственно реалистической политики было все равно, что ждать, чтобы Наполеон повел в 1812 г. с царской Россией

войну на уничтожение и начал с отмены крепостного права. Да и что брежневцы, рашидовцы и кунаевы могли предложить обездоленным пакистанским массам?

Поэтому проводимый властью в 1980-е гг. в Афганистане по приказу советских оккупантов курс был направлен не на привлечение крестьян к революции, а на вовлечение ханов и мулл в процесс плавной реставрации, на компромисс новых и старых эксплуататоров. Но ханы, муллы, а равным образом возникшая за период войны новая группа эксплуататоров, становившаяся самой могущественной – моджахедские командиры, хотели не части власти, а всей власти, поэтому компромисс был невозможен.

Кроме врагов справа, сохранились и враги слева. Маоистская “Шоалэ-э-Джавид” распалась на несколько групп, самыми сильными из которых были Организация освобождения Афганистана (ООА) и Организация освобождения народов Афганистана (САМА). Если первая пыталась работать внутри моджахедских отрядов, то САМА имела свои собственные отряды и свои подконтрольные районы. Какова была ее реальная сила, был ли возможен в Афганистане китайский путь, можно ли было осуществить синтез крестьянского движения и программы буржуазной революции, что дало бы крестьянскую буржуазную революцию – все это вопросы, требующие дальнейшего изучения. Неблагоприятная внутренняя и внешняя обстановка, беспощадный террор со стороны как моджахедских вождей (ими замучен лидер ООА Фаиз Ахмет, расстрелян лидер САМА Кайым Рахбар, не говоря о множестве рядовых маоистов), так и кабульских спецслужб перекрыли все возможности движения по этому пути.

Вывод советских войск из Афганистана означал признание государственной буржуазией СССР своего проигрыша в соревновании с частной буржуазией Запада. За этим последовало 3 года отчаянной борьбы режима городской государственной мелкой буржуазии (поддержанной на этот раз немалой частью всего городского населения) за свое самосохранение, а заодно за перспективу развития капитализма в Афганистане против наступающего досредневекового варварства.

В 1992 г. все было кончено. Предательство генерала Дустума (ныне – одного из лидеров Северного Альянса и оплота цивилизации в Афганистане. В войнах шаек разбойников, составляющих историю Афганистана после 1992г., ему доведется предавать союзников не раз) отдало моджахедам Кабул. Директорию сверг не Бонапарт, но Вандея.

После своей победы борцы за веру, свободу, цивилизацию и Аллаха сцепились друг с другом, как вульгарные псы из-за груды костей. Война продолжалась – уже не за широкие исторические перспективы, а из-за дележа добычи между атаманами разбойников.

Так продолжалось несколько лет. Хаос в Афганистане стал надоедать как крупным империалистическим державам, которые, вопреки мнению русских национал-патриотов, желают отнюдь не неуправляемого хаоса в отсталых странах, а управляемой стабильности в них, так и Пакистану, имевшему на Афганистан свои виды. С помощью пакистанской и американской спецслужб возникло движение “Талибан”, возобновившее старые мечты *ихванов* о централизованном исламском государстве. Довольно быстро ему удалось одержать верх над своими разнообразными конкурентами и оттеснить их.

А дальше произошло вот что. Любовь великих держав к стабильности в Афганистане отнюдь не была бескорыстной. Территория Афганистана является самым удобным местом для нефте- и газопроводов из Каспийского моря в

Пакистан и Индию. Возник проект газопровода Туркменистан – Пакистан. Первоначально “Газпрому” в нем планировалось 45% акций, американской компании “Юконал” – всего 4%. Однако, после взятия талибами Кабула, Газпром был отстранен от участия в проекте, а его доля досталась Юконалу (см. “Стрингер”, №9(16), сентябрь 2001).

Но победа американских буржуев над их русскими конкурентами оказалась мнимой. “Не нам, так никому”, - решил русский империализм, и стал активно поддерживать противника талибов, “Объединенный национальный *исламский* фронт спасения Афганистана”, более известный как Северный Альянс, возглавляемый такими известными “борцами за свободу”, как старый исламист Масуд и переметная сума Дустум.

Иранский империализм также был враждебен газопроводу, идущему через Афганистан и Пакистан из Туркменистана в Индию, ибо туркменский газ составил бы в Индии конкуренцию иранской нефти. Поэтому иранский империализм тоже поддержал Северный Альянс (см. там же).

Попытка якобы всемогущего американского империализма с помощью талибов обеспечить “мир и стабильность в Афганистане”, а равным образом... прибыли Юконала, провалилась. Эти святые цели ему приходится теперь обеспечивать против талибов, с помощью частично арендованного, а частично перекупленного у русского, иранского и индийского империализмов Северного Альянса (очень вовремя, за 2 дня до взрывов в США, произошедшее убийство тесно связанного с русским империализмом лидера Северного Альянса Масуда наводит на размышления). Причем борьба за “мир и стабильность”, в полном соответствии со старой советской поговоркой, ведется так, что скоро камня на камне не останется.

Удастся ли обеспечить в Афганистане кладбищенскую стабильность, или несчастным людям несчастной страны предстоит еще жить, мучиться и даже бороться, пока вопрос. Что однозначно, так это то, что “прогресс”, “демократия” и “цивилизация” не будут достигнуты ни “гуманитарными” бомбами, ни североальянсистскими царьками. Капитализм сбросил народы Афганистана в пропасть, и не он вытащит их оттуда.

В числе “умеренно–прогрессивных и в рамках шариата” преобразований, провозглашенных новым кабульским правительством, числятся следующие: публичная смертная казнь сохраняется, однако трупы могут висеть не более 15 минут; сохраняется и побиение камнями за супружескую неверность, однако камни заменяются на более мелкие. Символы прогрессивных реформ: висящие не более 15 минут трупы и побиение мелкими камнями – более жуткой иронии над тем, что стало с некогда великой идеей буржуазного прогресса, не выдумаешь.

3 миллиона беженцев в Пакистане, 3 миллиона беженцев в Иране, 1 миллион погибших (население Афганистана в 1977г. – 18,5 млн), исчезнувшая промышленность, разоренное сельское хозяйство, эпидемии и невежество, варварство с калашниковыми и стингерами – вот чем кончилась попытка буржуазного прогресса в Афганистане. Где еще более яркое доказательство, что капитализм к концу 20 века изжил себя?

Попытка национальной буржуазной революции в Афганистане кончилась срывом в досредневековое варварство, вместо оплаченного страшной ценой прогресса получился купленный страшной ценой регресс. Буржуазный прогресс (а именно он представляет реальное содержание всех словес о “демократии”, “цивилизации” и т.п.), трагически провалившийся при диктатуре опиравшихся

на СССРовские оккупационные войска выродившихся потомков якобинцев из НДПА, тем более не может быть осуществлен руками североальянсистов – раскаявшихся НДПАшников и нераскаявшихся душманов, опекаемых и управляемых православно–фундаменталистской Россией, исламо–фундаменталистским Ираном и рыночно–фундаменталистскими США. Ужас без конца – для тех, кого еще не настиг ужасный конец – вот что дал капитализм трудящимся Афганистана (и разве только им?), и пока не восстанет пролетариат - не пролетариат Афганистана -слабый и малочисленный и перед 1978 г., он исчез как класс в результате 23-летней войны - но пролетариат всего мира - не восстанет и не свергнет капитализм, до тех пор альтернативе – ужасный конец или ужас без конца – будет подчинено властью капитала подавляющее большинство населения Земли.

Февраль 2002 г.

Рекомендуем вниманию читателей "Пролетарской революции" бюллетень

"Вестник "Солидарности",

издаваемый в Калининградской области.

Общество "Солидарность", выпускающее этот бюллетень, располагается в политическом спектре среди оппортунистов, причем весьма правых. Однако "ВС" - не столько орудие боевой пропаганды и агитации, все снаряды из которого бьют в одну цель, сколько дискуссионная трибуна. На этой трибуне происходят интересные философские и этические дискуссии, в которых дают слово и пролетарским революционерам; так, вот уже на протяжении ряда номеров бюллетеня с этой трибуны слышен голос коллективистов.

Философские и этические споры в "ВС" интересны не только сами по себе - все они в конечном счете завязаны на проблемы стратегии и тактики политической классовой борьбы, что делает их действительно важными. Подпишитесь на "ВС" - не пожалеете.

Контактный адрес бюллетеня:

238322, п/о Переславское Зеленоградского р-на Калининградской обл., Жиденкову Александру

Телефон

01150-262-24

От редакции

Одним из революционеров, ушедших из РРП в результате ее буржуазного перерождения (см. об этом в статье "К истории марксизма в России (1918 – 2002 гг.)"), был А. Правдин - человек, принадлежащий к той плеяде марксистов-"самородков", которые сформировались как сознательные враги господствующего класса еще в СССР, когда этот класс еще скрывал свое существование и выдавал себя за "слуг народа". Правдин придерживается гипотезы о капиталистическом характере общества в СССР и является одним из наиболее левых - то есть наиболее пролетарско-революционных - сторонников этой концепции в политическом андерграунде СНГ. В этом номере журнала мы публикуем заметку А. Правдина и отрывок из письма Марлена Инсарова к нему.

А. Правдин

Свобода слова - лохотрон для масс. Лохотронные игры буржуазии.

Россия наконец-то приобрела свободу слова, с которой НТВ, через ведущего г-на Шустера, некогда работавшего на радиостанции "Свобода", знакомит наше весьма несвободное общество. 29.03.02 г. состоялось очередное шоу "свободы слова". В нем приняли участие известные радетели свободы, демократии, рынка и великой РАСЕИ: дядюшка Зю, Б. Немцов, Н. Губенко - бывший министр культуры РФ и малоизвестный лакей Вячеслав Фролович - один из руководителей партии "Единая Россия".

Сегодня в России всем известна игра "Лохотрон". Эту игру проводят те, кто стоит у кормила власти, и те, кто извлекает выгоду из обмана лохов (обывателей), но не имея законных оснований, какие имеет власть, опираясь на силу (армия, полиция) и закон (суд, конституция...). Жертвой этой игры, как правило, становится человек труда. В шеренге искусных лохотронщиков значатся и СМИ.

Итак, что видит в этом шоу (если способен видеть) наш российский обыватель - жертва капиталистического лохотрона. Г-н Шустер начинает с сакраментального вопроса: "Изменилась ли Россия к лучшему за два года президентства В. В. Путина?" Согласно концепции передачи о свободе слова он, естественно, обращается к истинным поборникам свободы слова, демократии, рынка, великой РАСЕИ - к вышеперечисленным господам. Боже упаси, с его стороны, показать свободу слова через призму мнения рабочего, рядового инженера, врача, учителя... И, повидимому подразумевая свободу слова для людей труда, он восклицает: "Да вот же она, валяется под ногами!" И вполне понятно возмущение лакействующего лидера "Единой России" заявлениями его коллег об отсутствии свободы слова. И действительно, господа: "Какую же еще вам надо свободу?" И прав лидер "Единой России", говоря: "А то, что вы

говорите "нет свободы слова", что президент застрял на полпути, да если бы не было свободы слова, если бы у нас с ВАМИ не было гражданских прав, то наверняка бы об этом не писали!" А на вопрос г-на Шустера он отвечает: "... если сравнить Горбачева с Ельциным, кстати, один коммунист, другой - демократ, то я ставлю В. В. Путину 4+ (в его понятии Путин - государственный. - А. П.) и мы должны поставить эту оценку, так как свобода слова у нас есть, мы едины, она рядом..."

Все верно: для них налицо действует их буржуазная свобода, демократия и рынок, и нет абсолютно никакой разницы между дядюшкой Зю, Немцовым, Губенко, Горбачевым, Ельциным и Путиным. Они - представители одного буржуазного класса, его холуи и апологеты. Они все делают для ограбления человека труда и посредством законов и своей буржуазной свободы держат в повиновении, в невежестве, нищете пролетарскую часть населения. Они - враги пролетариата! Приглядитесь, люди труда, как ловко господа лохотронщики заставляют ВАС умирать в Чечне, делая ВАС заложниками преступной империалистической и человеконенавистнической политики, жить впроголодь, терять детей (наркота, уголовка, война...). Ответьте себе на вопрос: "Вам нужна их стабильность, свобода слова, рынок, их демократия, их великая Россия?" Послушайте внимательно этих господ, разве они говорят что-то, отличающее их от друга? Да, отличает, но только то, что даже их любимчик, ставленник их класса В. В. Путин, как им видится, делает мало для претворения в жизнь их чаяний и интересов. Конечно, Путин, хоть и поставлен ими, объективно не может быть слугой мелкого и среднего капитала. Он слуга крупного российского капитала, который рвется занять достойное место в шеренге китов мирового капитала, чтобы проводить империалистическую политику по отношению к народам мира и особенно ко всем пролетариям мира, превращая их в бессловесных рабов капитала.

Послушаем г-на Немцова: "...оценку удовлетворительно. Почему не хорошо? С одной стороны, очевидно: налоговая революция, экономический рост (? - А. П.), судебная реформа, политическая стабилизация; с другой стороны - сворачиваются гражданские права и свободы, продолжается война в Чечне, саботируются чиновниками (? - А. П.) разные инициативы, в том числе и полезные. Хоть троечка, но все равно стало лучше". Лучше для среднего или мелкого буржуа, или для пролетариев? Что касается пролетариата, то ему под нос "фига с маслом". Для среднего буржуа, пожалуй, чуть лучше, но для мелкого буржуа - весьма сомнительно. Немцов вопит о бедственном положении той части буржуазной интеллигенции, на которую властно наступает капитал, как он наступает и на мелких хозяйчиков, начиная со знаменитого дефолта 1998 г. Капитал проводит твердую, правильную (с точки зрения его интересов) политику, в полном соответствии с теорией К. Маркса, описанной в его знаменитом научном труде "Капитал". Г-н Немцов не знает (или, скорее, умалчивает) об объективных законах капиталистического общества и пищит под пятой КАПИТАЛА. Что касается Чечни, то Немцов, как и все остальные участники шоу, вовсе не за прекращение страданий чеченского народа (простого люда), он против медлительности, неспособности фашистского режима Путина справиться с народом. Эти господа - за скорейшее уничтожение малых народов и готовы действовать и действуют по сталинскому принципу: "Нет человека - нет проблем!" Вот истинная цель буржуазных лохотронщиков, стоящих за рынок, буржуазную свободу, демократию, за капитализм! Плоды этой политики на своей шкуре ощущают люди труда во всем мире.

Г-ну Зюганову в этой компании лохотронщиков определена незавидная роль прямолинейного сталиниста и мракобеса, с тем, чтобы рельефнее выглядели господа Немцовы. Господа буржуи, отказывайтесь от этой, уже прогнившей, опоры. Гоните этих коммуняк из Думы, они свою подлую роль уже сыграли за последние 15 лет, проводите их с почетом, как-никак они вам неплохо помогли в становлении вашей буржуазной власти. У вас есть еще резерв в лице продажной верхушки рабочего класса, которую воспитал сталинизм через ВЦСПС. Эти "радетели интересов рабочего класса" лучше мимикрируют, как-никак они выходцы из рабочего класса, из народа, не то что вы, господа. Кроме того, надежнее опираться на людей, провозглашающих союз Труда и Капитала, проводящих политику посредников в продаже рабочей силы и удешевляющих ее; не забывайте, что все ваши верноподданнические чувства к хозяину, вашей РАСЕЕ, к чистоте русской расы они блюдают(1) верно. Обратите очень серьезное внимание на господ из рабочего класса - Шамаковых, Исаевых (ФНПР), лидеров Соцпрофа, лидеров различных "союзов рабочих, специалистов"... Это прекрасная пятая колонна в пролетарском движении.

Что касается бывшего министра культуры, то здесь налицо выступает полное отсутствие понимания законов общественного развития, одним словом, бред сивой расстроеной буржуазно-интеллигентской кобылы, воспитанной на "лучших" традициях славянофильства, угодничества и трусости перед властью.

Малоизвестному лакею из партии "Единая Россия" отведена вполне приличная роль. Он миротворец! И действительно, господа, ну что ВАМ сердиться и ссориться между собой - разве В. В. Путин не ваш человек, разве он не ратует за вашу великую Россию (он готов мочить другие народы в любом месте), разве он не хочет, чтобы вы единым фронтом во главе с ним (царем-батюшкой) под крестным знаменем РПЦ вечно и безжалостно эксплуатировали пролетариев, наживаясь на их труде? А вы, пролетарии, снова задайте себе вопрос: "А можно ли и нужно ли так жить?" Нет, так нельзя и не нужно!

Я привожу в заключение обращение к пролетариям Группы пролетарских революционеров-коллективистов (ГПРК):

"Чтобы рядовые наемные работники перестали жить, как рабочая скотина, и смогли бы почувствовать себя людьми, у них нет другого способа достичь этого, кроме как силой свергнуть своих господ и начальников, разрушить их государство, установить свою диктатуру над ними и добить их, объединиться в коллектив равноправных тружеников(2) и взять в свои руки управление миром. Но чтобы стать способными на все это, им нужно растоптать в себе привычную мораль, религию, "семейные ценности" и самое подлое духовное орудие власти эксплуататорских классов - патриотизм и "национальную гордость". Только заменив в своей душе всю эту старую мерзость кодексом чести революционера, материалистическим пониманием природы и истории, преданностью своей классовой политической организации, интернациональной солидарностью со своими братьями по классу и великой целью завоевания пока еще не принадлежащей ему родины - Земли, пролетарий сможет стать последовательным борцом за власть своего класса".

ПРОЛЕТАРИИ! ВСТАВАЙТЕ НА БОРЬБУ ЗА СВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ!

Примечания от редакции

- (1) Согласно нормам русского языка - *блюдут*. Но мы сохранили в тексте эту опечатку товарища Правдина, потому что с нею получилось еще

выразительнее: слово "блюдят" очень точно отражает сущность профсоюзных боссов и прочих патриотов, а также того, чем они занимаются.

- (2) Слово "тружеников" вставлено А. Правдиным. Мы не имеем ничего против такой поправки: в коллективистском обществе действительно не будет паразитов, весь "труд" которых состоит в угнетении трудящихся и в идеологическом обосновании этого угнетения.

Из письма М. Инсарова А. Правдину

...Получил Ваши 2 письма. Прежде всего, хорошо, что Вы вышли из РРП... Люди, дающие советы правительству молдавской буржуазии, безнадежно потеряны для пролетарского дела.

Теперь – о дальнейших перспективах.

2 года назад можно было предполагать, что революционная пролетарская партия в России возникнет путем объединения существующих госкаповских групп и бесхозных госкаповцев. Что стало итогом таких попыток объединения всех госкаповцев – известно: сперва – Движение за рабочую партию, затем, после откола от него большинства госкаповцев – Марксистский блок, который, по правде сказать, оказался немногим лучше, чем ДРП. Какой из этого можно извлечь вывод?

Вопрос о классовой природе СССР, при всей его бесспорной важности, не является исчерпывающим для определения политической ориентации людей и организаций. Он лишь один из характеризующих признаков, и объединяться всем тем, кто согласен по этому вопросу, но не согласен по другим, не менее важным вопросам программы, стратегии и тактики – пустая трата сил, в результате которой может возникнуть (даже если и возникнет!) разнородное сборище, обреченное на скорый развал. Вопросы о партии (нужна – не нужна, ведь и анархисты считают, что в СССР был госкапитализм), парламентаризме, отношении к буржуазным национальным движениям и буржуазным и мелкобуржуазным партиям, не говоря уже о таких вещах, как признание насильственной революции, диктатуры пролетариата, уничтожения капитализма – эти вопросы важны ничуть не меньше, чем оценка природы СССР.

Возьмем названные Вами издания. «Левый поворот» - это антипартийная газета, отличающаяся от анархистов не в лучшую, а в худшую сторону. Анархисты (имеются в виду организации лучшего старо-анархистского типа, единственный известный мне пример таковых в СНГ – это МПСТ (газета «Прямое действие»)) хотя бы четко понимают контрреволюционный характер всех официальных профсоюзов и всех буржуазных национализмов, левоповоротчики же (они же – Южное бюро МРП), в теории выступая за непосредственно коммунистическую революцию (социалистической им мало), главной необходимой сейчас практической деятельностью считают работу в профсоюзах. «Дело рабочих» - это типично экономистская газета, в отличие от «Левого поворота» без особых претензий. «Мировая революция» и издающий ее ИКС куда ближе к нам, однако и они имеют серьезные ошибки в вопросах электорализма (участие в выборах), «права наций на самоопределение» и т.п.

Поэтому то, что имеется – на сегодня – это не объединение, а дальнейшие расколы (знаете ли Вы, что в МРП произошел (либо вот-вот должен произойти) раскол на МРП(б) (Самара – Н. Новгород) и МРП (Южное бюро))?

Отсюда вывод: партию нужно создавать не путем беспринципного объединения разнородных элементов, а путем собирания всех революционных

сил под одно знамя. Группирующее ядро должно иметь четко определенные практически–политические революционные позиции и в то же время достаточную степень свободы исследования вопросов, еще не решенных марксистской наукой (настало время для нового прорыва в ней, для выхода теории исторического материализма на новый этап, отношение коего к старому будет таким же, как отношение физики Эйнштейна к физике Ньютона). Мы считаем, что этим знаменем могут служить известные Вам Принципы ГПРК. Они вполне строго обозначают революционно–пролетарские практические позиции и в то же время оставляют достаточную неопределенность в вопросах, имеющих пока еще лишь теоретическое значение. Если Георгий Васильев считает, что в СССР – «неоазиатский способ производства», я же думаю, что СССР – это эпоха первоначального накопления капитала..., но делаем отсюда одинаковые политические выводы (никакой защиты СССРовского эксплуататорского строя, революционное пораженчество по отношению к нему), то это не мешает нам быть в одной политической организации (она – не религиозная секта. Ее активистов объединяет не символ веры, а одинаковая направленность революционного действия) и может даже стимулировать полезные для научного установления истины дискуссии.

О Клиффе. У СНГовских марксистских активистов есть неправильная привычка отождествлять теорию капиталистического характера СССР с Клиффом. Это неверно. Многие марксисты, кроме Клиффа, поняли и доказали капиталистический характер СССР. Понимание СССРовского капитализма Клиффом – максимально худшее понимание. Согласно Клиффу, госкапитализм – высшая стадия капитализма, при нем не действует закон стоимости, рабочая сила не является товаром, а деньги – деньгами, нет конкуренции и всего того, что делает капитализм капитализмом. Против Клиффа известный Вам троцкист Грант доказал, что в СССР действует закон стоимости и рабочая сила является товаром, зато, для Гранта, при всем при том в СССР нет капитализма. Кто – Клифф или Грант – в этой полемике выглядит глупее, сказать трудно. Спор двух ученых мужей: один говорит, что кошка, хотя и млекопитающееся, но не питается молоком, а другой возражает, что хотя кошка и питается молоком, но никак не является млекопитающимся!

Последовательно марксистское объяснение классовой природы СССР разработал великий и неизвестный марксист Амадео Бордига (к сожалению, пока еще не переведенный толком на русский язык. Есть только брошюра «Что такое Интернациональная Коммунистическая Партия», наверняка известная Вам. Сверх того, тов. Васильев пошлет Вам 2 статьи о Бордиге, наукообразных, но полезных).

Более того. Во всех остальных вопросах, кроме классовой природы СССР, Клифф ни на йоту не порвал с оппортунистическими ошибками троцкизма. Клиффские организации в мире – такие же оппортунистические, как и чисто троцкистские.

Великий Раскол с оппортунизмом последовательно и до конца осуществила только традиция Бордиги, только традиция Итальянского Левого Коммунизма. Поэтому мы, ...ГПРК... – не госкаповцы и не неоазиатчики. Как продолжатели революционной преемственности, как борцы за революционную политическую программу мы – левые коммунисты; как те, кто продолжает эту преемственность в новых условиях, как те, кто продолжает исторический материализм в 21 веке, мы – коллективисты.

Вышла изданная Группой пролетарских революционеров-коллективистов книга

«Теория и практика коллективизма»

Почему мировая революция – единственное спасение человечества от гибели? Почему пролетарские революции терпели поражение в 19 и 20 веках, и почему мировая пролетарская революция победит в 21 веке? Почему империалистические противоречия ведут к новой мировой войне? Что такое нации и какому классу выгоден национализм? Как определять классовую природу политических партий? Почему троцкизм не смог стать коммунистической альтернативой сталинизму?

Ответы на эти и многие другие вопросы можно найти в книге. Ответы даются с последовательных революционно–пролетарских позиций, т. е. с позиций борьбы за власть мирового революционного пролетариата.

Желающие заказать книгу могут узнать об условиях ее приобретения по e-mail: prol_rev_col@yahoo.com и collectivist@chat.ru. Убедительно просим присылать сообщения не в теле письма (тексты в кириллице сервер Geocities обычно превращает в абракадабру), а в приложении - в формате RTF, Word 97 или в текстовых файлах.

Пишите нам по электронной почте по адресам:

collectivist@chat.ru, prol_rev_col@yahoo.com

Вы можете найти наши материалы в Интернете по адресам:

<http://www.left-dis.nl>, раздел ***"Русский"***, подраздел ***"Дискуссии"***, №№ 5, 10-16, 21, 23, а также подраздел ***"История"*** - одно из предисловий к книге Гарольда Исаакса ***"Трагедия китайской революции"***; на том же сайте см. разделы ***"English"*** и ***"Français"*** - те тексты, в заглавиях которых стоит ***"Коллективисты"***, наши; также см. <http://www.chat.ru/~collectivist> (по-русски), http://www.geocities.com/prol_rev_col/collectivism.html (по-английски: ***наша дискуссия с ИБРП о компьютеризации как предпосылке социалистической революции***).

Тираж маленький: сколько получится размножить, столько и будет.

Anticopyright:

перепечатывайте наши материалы хоть с ссылками на наш журнал, хоть без ссылок - нам без разницы (*только не искажайте их!*): плевать нам на авторское право... Однако, впрочем, не ставьте свои подписи под нашими материалами